

Саммер ЛЕНЦ

Саммер Ленц родилась в 1984 году в поселке Жуланово Соликамского района, окончила факультет филологии и массовых коммуникаций Нижнетагильского социально-педагогического института. Участвовала в сетевых литературных конкурсах. Дебютировала в пермском журнале «Вещь». Живёт в Красноуфимске. В «Волге» публиковалась проза (2019, 2020).

СОБАКА СУТУЛАЯ, ИЛИ НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ ИЗ ЖИЗНИ КАССИОПЕИ КИРПИЧНИКОВОЙ

*Яне Костаревой.
Она знает, за что.*

Дамку забирают

В один собачий приют как-то утром пришёл мужчина и сказал, что хочет усыновить Дамку.

Дамкой звали красивую большую собаку. Она была очень грустной, всё время лежала в углу вольера и шумно вздыхала.

– А почему вы хотите взять именно Дамку? – спросила хозяйка приюта.

– Мне очень понравилась фотография в газете, – признался мужчина. – Всегда хотел собаку.

– А почему не заводили? – насторожилась хозяйка.

– Квартира была маленькая, негде собаку держать. А сейчас я в деревне живу, места много.

– Вы её на цепь посадить хотите?!

– Мне обидно, что вы так обо мне думаете. Нельзя собак на цепи держать. Мне нужна собака для прогулок по лесу.

– Вы охотник?

– Нет, просто люблю гулять в лесу.

Хозяйка какое-то время с подозрением разглядывала мужчину, а потом сказала:

– Хорошо, мы отдадим вам Дамочку. Но я буду следить за вами, чтобы вы нашу собаку не обижали. Вы на машине?

– Нет, пешком.

– А как же вы Дамочку поведёте домой?

– А я всё с собой принёс, – ответил мужчина, и достал из карманов куртки не распакованные даже шлейку и поводок.

– Я гляжу, вы подготовились, – всё ещё с подозрением сказала хозяйка.

– Да, – с достоинством ответил мужчина.

– Хорошо, сейчас я приведу Дамочку.

Вскоре хозяйка привела на коротком поводке Дамку, ласково воркуя, что сейчас Дамочку заберут жить в дом, где её будут любить и часто выгуливать. Дамка не слушала. Она думала о кошке, которую почти догнала во сне.

– Ну, идём, – сказал мужчина и бодро зашагал восвояси.

Дамка покорно пошла следом.

Дамке не разрешают

За приютским забором пахло весной, машинами, другими собаками, но особенно вкусно пахло мусором. Дамка то и дело останавливалась, чтобы сожрать какой-нибудь

полиэтиленовый кулёк, в котором раньше была колбаса, или булочки, или чипсы. Но мужчина неласково дёргал за поводок и рывкал:

– Нельзя! Брось! Выплюнь дрянь!

Дамка терпела. Она знала, что у людей странные представления о вкусном. Даже когда у неё прямо из пасти вырвали восхитительного дохлого голубя, она не огрызнулась. Только подумала, с укоризной поглядев на человека: «Вот жмот. Сам не ам, и другим не дам».

Шлейка, которую на неё напялили, неприятно пахла, поводок был ярко-оранжевым и бросался в глаза, а мужчина норовил почесать ухо, хотя чесалось у Дамки между лопатками, как раз под шлейкой.

Дорога была длинная, и Дамка уже начала беспокоиться, что её сейчас заведут в лес, привяжут, да там и оставят. Такое уже однажды было. Но боялась она напрасно, потому что вдруг они пришли.

Котинька и Польша

Новый дом оказался действительно новым, не очень большим, но и не очень маленьким. Вокруг дома раскинулся огромный двор. Во дворе росли берёзы, сосны, ёлки, было много травы и полевых цветов. «Неплохо, – подумала Дамка. – Интересно, как тут кормят?»

Они обошли дом и поднялись на крыльцо. Здесь мужчина сказал: «Стоять!», и Дамка подумала, что это и так понятно – дверь-то закрыта. Тем временем мужчина крикнул:

– Котинька, дай, пожалуйста, тряпку, а то у нас лапы грязные.

«Та-ак, – сообразила Дамка, – у него, значит, здесь кошка хозяйничает... Ну, ничего, сейчас она вынесет тряпку, и я покажу, кто здесь главный!..»

Дверь открылась, но кошки за ней не было. Там была женщина в странной розовой шубе с глазами на затылке. В руке у женщины была тряпка.

– О, пришли, – сказала женщина. – Польша, собака пришла!

«Нифига себе котинька», – разочарованно облизнулась Дамка. В доме явно жили сумасшедшие. «Может, это Польша – кошка?»

Но и Польша оказалась не кошкой. Так звали девочку в такой же странной шубе, как у женщины. Только голубой.

– Это Дамка? – спросила девочка у мужчины, пока он вытирал Дамке лапы.

– Да.

Дамка становится Касей

Когда лапы были протёрты, Дамку впустили в дом. Первое, что она увидела внутри – большую лежанку из толстого поролона. Лежанка была укрыта голубым пледом.

– Это твоё место, – сказал мужчина.

Дамка нехотя взошла на лежанку, и даже прилегла. Не то чтобы слишком мягко, но лучше, чем в приюте. Дамка положила голову на лапы и посмотрела на людей. Люди стояли у лежанки и смотрели на неё.

– Она устала? – спросила женщина.

– Она, наверное, есть хочет, – предположила девочка.

Дамка резко подняла голову, а потом и вовсе вскочила на ноги. «Конечно, хочу. Где?!»

Люди отчего-то рассмеялись. Девочка убежала в другую комнату и принесла большую миску с кашей. Каша пахла мясом.

– Ой, сколько слюней!

– Она не похожа на Дамку.

Дамка посмотрела на Польшу. «И на кого это я тебе похожа?»
– А на кого она похожа? – спросил мужчина.
– А видишь, у неё на морде пять пятнышек в виде буквы эм? Так созвездие Кассиопея выглядит. Назовём её Кася?
– Полина, Кася – это польское имя.
– Так я сама – Польша.
Мужчина и женщина рассмеялись.
– Ладно, пусть будет Кася. Ты согласна, Кася?

Никакой добавки

Дамке было всё равно. Она громко чавкала кашей, возюкая миской по полу. Всё семейство выстроилось рядом и с умилением смотрело на Дам... теперь уже Касю. Впрочем, долго умиляться новым хозяевам не пришлось: Кася съела всё едва ли не в три глотка. Тщательно вылизав миску, она вопросительно посмотрела на новых хозяев.

– Кхм, – мужчина почесал затылок. – Это всё.

Кася сделала вид, что не поняла, хотя, конечно, поняла всё сразу. В приюте есть давали куда меньше, чем здесь, только чтобы не помереть от голода, но досыта она не ела уже давным-давно. И потому продолжала стоять рядом с миской: вдруг кто-нибудь дрогнет и даст добавки?

Но мужчина никому дрогнуть не дал.

– Хватит с тебя, иди на место.

Кася опустила голову, громко цокая когтями, прошла к лежанке, где бухнулась на бок и сокрушённо вздохнула. Семейство на цыпочках разошлось по комнатам, и Кася от расстройства заснула.

Сон

Снилось Касе, что они с Гуляем гонят зайца. А заяц такой здоровенный, размером с лося! А Пахомыч, на которого они выгнали зверя, стоит и цветочки нюхает, и ничего вокруг не видит.

– Стреляй, Пахомыч, стреляй! – кричит Гуляй, а заяц оборачивается и лапой по губам: мол, тсс, чего орёшь! И Гуляй послушно замолкает. А Пахомыч и вовсе уже спит, и заяц мимо него на цыпочках, даже сапоги снял, и Гуляй тоже тихонько норовит, и Кася... но когда она через Пахомыча начала перешагивать, вдруг видит – ружьё!

Она это ружьё в лапы, прицелилась и – бдышь! бдышь! Дуплетом! А ружьё только тихонечко – пуук, пуук... – будто тоже не хочет Пахомыча будить. И так обидно Касе сделалось, что она даже залаяла. Тут уже и Гуляй оглянулся и знаки делает: тихо, разбудишь! Но Кася продолжает лаять на убегающего зайца и будит Пахомыча.

– Кася, ты чего? – удивляется Пахомыч.

И Кася просыпается.

Кася случайно себя выдаёт

– Пахомыч? – удивилась Кася.

– Чего?! – вскрикнула Польша.

Оказывается, это была она, а не Пахомыч.

– Тихо! – шикнула Кася на девочку.

– Чего?! – хором воскликнули хозяин и хозяйка.

«Опять проболталась», – с грустью подумала Кася. А вслух сказала:

– Собака сутулая...

Кто такой Пахомыч

– А кто такой Пахомыч? – спросила Польша.

Кася лежала, отвернувшись ото всех, но было поздно: все бегали вокруг и кричали: она говорящая! меня никто не предупредил! может, это игрушка? или робот? ага, и жрёт кашу? не жрёт, а кушает! поучи ещё отца, поучи! Митенька, успокойся! я спокоен, котинька, я совершенно спокоен...

– Касенька, – Польша осторожно погладила её по спине. – Ну, расскажи. Или это тайна?

– Это мой бывший, – буркнула Кася. – Выше почешу, пожалуйста.

Все замолкли. Ладонь Польши поднялась к самым лопаткам Каси и почесала там.

– Вооот! – блаженно выдохнула Кася.

– Ты говори, говори, не отвлекайся, – сказала Польша, ласково скобля Касину кожу своими тонкими пальцами.

И Кася рассказала

– А чего рассказывать. Сергей Сергеевич Пахомов, его все Пахомычем звали. Мы у него с Гуляем жили, он нас на охоту водил. Потом он состарился и отдал нас с Гуляем Толян. А Толян нас Димону, и Витюхе, и Рафику, и кому только не давал. Они нас в лес увезут на охоту, а сами начинают водку пить. Мы с Гуляем бегаем, дичь распутываем, а они часик-два подождут – и уезжают без нас. А нам ни спасибо, ни до свидания. Ни еды, ни питья, в какую сторону домой – вообще не ясно. Несколько дней добираться назад, а тебе дома – где шлялись? Обидно! А потом, когда мы в последний раз потерялись, Гуляй с голодухи крысу дохлую съел, а она отравленная была. И помер, собака сутулая. А я одна осталась. И решила к Толян не возвращаться.

Пора гулять

В это время хозяин, которого, если верить Котиньке, звали Митенька, посмотрел на часы.

– Кстати, – сказал он. – Действительно, пора гулять.

– Я с вами! – вскочила Польша.

– А уроки ты сделала? – спросил Митенька.

– Ну паап...

– Никаких «нупап», живо делать уроки. Кася, вставай, гулять идём.

Кася с готовностью вскочила и подбежала к двери.

– Куда? А шлейка? А поводок?

– Что я – маленькая?

– Маленькая – не маленькая, а порядок быть должен!

– Ну Митенька... – заныла Кася.

Котинька и Польша засмеялись, а Митенька рассердился.

– Не Митенька, а Дмитрий Олегович, – строго сказал он. – Я обещал, что не буду тебя отпускать на самовыгул, так что будь добра соблюдать правила!

Кася закатила глаза и покачала головой, но позволила застегнуть на себе шлейку и поводок, бормоча под нос «собака сутулая».

– И без фокусов, – предупредил Дмитрий Олегович.

Они вышли на крыльцо. В воздухе струился едва заметный сизый дымок – кто-то топил баню и жёг прошлогоднюю траву.

– Куда пойдём? – Дмитрий Олегович посмотрел на Касю.

– В лес! – сказала она.

И они пошли.

И они пошли

Некоторое время они шли по грунтовой дороге, по обе стороны которой стояли дома – деревянные и кирпичные, за высокими заборами и за низкими. И из-за всех заборов яростно лаяли собаки.

Кася шла, деловито обнюхивая эти заборы, а кое-где и присаживаясь. Дмитрий Олегович в этот момент тактично смотрел в сторону.

Потом дорога вильнула влево, потом вправо, и выпрыгнула прямо на оживлённую трассу, через которую туда-сюда сновали машины.

– Стоять! – прикрикнул Дмитрий Олегович, дёргая за поводок.

– Стою, стою...

Дождавшись, когда поток транспорта стихнет, Дмитрий Олегович с Касей быстро перебежали на другую сторону, и по широкой тропинке вошли в высокий хвойный лес с густым подлеском. Кася моментально нырнула в кусты.

– Куда?!

– Мы же гуляем!

– Давай гулять по-человечески – по дорожке, а не через буераки.

– Что я – маленькая?

– Кася, ты, разумеется, не маленькая. Но и я не мальчик, и не могу скакать за тобой через поваленные деревья. Давай так договоримся: вечером мы гуляем по моим правилам, а утром – по твоим.

– Ладно.

Кася пошла по дорожке чуть впереди, принявываясь. Запахи весеннего леса будили в ней жажду деятельности, хотелось бежать, искать и выгонять.

– А вот скажи мне, Кася, – спросил вдруг Дмитрий Олегович. – А все собаки разговаривают?

– Да все разговаривают, – ответила Кася, обнюхивая кротовую нору. Крот был где-то далеко, и докапываться до него сейчас было пустой тратой времени.

– И ты со всеми можешь поговорить?

– С собаками-то? Могу, конечно.

– А с кошками?

– Дмитрий Олегович, обидные ты вещи говоришь. Я с едой не разговариваю. И тебе не советую.

– Почему?

– Голодный останешься. И не отвлекай меня, я работаю.

Дмитрию Олеговичу было очень неприятно, что собака не разрешает ему с собой разговаривать, но решил, что, если уж они гуляют по его правилам, Кася имеет право хотя бы на молчание.

Плохая фамилия

Домой они вернулись только часа через два, вдоволь напетлявшись по тропинкам. Дмитрий Олегович был слегка шокирован, что Кася при нём разорила несколько птичьих гнёзд и задушила крота (а есть не стала), и поэтому не стал рассказывать об этом жене и дочери. Жену, как выяснилось на той же прогулке, звали Ирина Валерьевна, а фамилия их была Кирпичниковы.

– Вот собака сутулая, – ворчала Кася, пока они возвращались домой. – Плохая фамилия.

– Почему это? – ревниво спросил Дмитрий Олегович.

– А как вас сокращённо звать? Кирпичи?

– А зачем нас сокращённо звать?

– Ну, мало ли... А вдруг заяц?

– Что – заяц?

– Ну, вдруг он выскочит...

Дмитрий Олегович непонимающе покачал головой. Открывшаяся способность собаки вести осмысленную беседу его уже не шокировала, но вскрывала кучу проблем морально-этического характера. И думать об этих проблемах он не хотел.

Чай и закат

Ирина Валерьевна и Польша встречали их, стоя на террасе.

– Вы чего здесь? – удивился Дмитрий Олегович.

– Мы пьем чай и любим закатом, – сказала Ирина Валерьевна.

– Я тоже хочу пить чай и любоваться, – с воодушевлением сказал Дмитрий Олегович и ускорил шаг.

Он быстро протёр Касе лапы тряпкой, которую заранее приготовила котинька, разулся сам, и они вошли в дом.

– Кася, а ты пьешь чай? – спросила Польша.

– Не пью.

– А закатом любишься?

– Нет. Каша ещё есть?

Дмитрий Олегович проворчал, что кому-то вредно есть на ночь, но каши всё-таки положил, потому что, когда все пьют чай и любят закатом, тому, кто этого всего не любит, нужно хоть чем-нибудь утешиться.

Пора на боковую

Часов в десять Польшу отправили совершать вечерний туалет и готовиться ко сну. Вслед за ней спать отправились и Митенька с котинькой. Кася долго лежала в полумраке комнаты с открытыми глазами и не могла заснуть. С одной стороны, попала она вроде удачно: люди с крепкой нервной системой, толерантные и не жадные. С другой стороны, она себя скомпрометировала, и это могло закончиться чем угодно: секретной лабораторией, бродячим цирком, или даже телевизионным ток-шоу. Конечно, в семье жить спокойнее и сытнее, но мало ли... Не пора ли рвать когти?

Кася прислушалась. Во дворе копошились землеройки и нудно звенели комары, в деревне собаки – все наверняка сутулые – облаивали припозднившегося путника. Семья Кирпичниковых уже крепко спала: Митенька тревожно храпел, котинька тоже изредка всхрапывала, Польша сладко сопела. Сон их был спокоен, потому что они ещё не знали самой страшной тайны.

Самая страшная тайна

Ровно в полночь дом сотрясли чудовищный грохот и лязг. Кирпичниковы в панике выскочили в зал, ожидая увидеть грабителей или... нет, пожалуй, только грабителей. Вспыхнул свет, но никаких грабителей не было. И Кася лежала на своём месте, стыдливо закрывая морду передними лапами.

– Кася, это ты?! – в ужасе спросила Ирина Валерьевна.

Ужаснуться и впрямь было отчего. Весь пол был залит растительным маслом, бутылка от которого, изгрызенная, валялась в углу. Яблоки, оставленные с вечера на столе, тоже были разбросаны и надкушены. Кто-то вытащил из посудомойки и разбросал посуду, а красивая миска и ложка со львёнком, пользоваться которыми предпочитала Польша, оказались на лежанке у Каси.

– Нет, – Кася убрала с морды одну лапу, но открывать глаза не стала. – Это Гуляй.

- Кто?!
- Гуляй.
- Ты же говорила, что он... – Дмитрий Олегович немного пожевал губами, пытаясь тактичнее выразить свою мысль.
- Подох в прошлом годе, – подтвердила Кася. – И меня одну оставил, собака сутулая.
- Он что – призрак?! – спросила Польша.
- В голосе Полины не было страха, только восторг и любопытство.
- Полина, что за дичь?! – возмутился Митенька.
- Призраков не существует, – твёрдо сказала котинька.
- А что такое призрак? – спросила Кася.

Гуляй

По совокупности косвенных признаков, а именно: невидимость, неосязаемость, пунктуальность, повадки, а также настойчивое преследование Каси, Кирпичниковы выяснили, что это и впрямь призрак Гуляя, пса, с которым Кася – тогда ещё Дамка – жила бок о бок почти десять лет.

Кася в приюте грустила именно по той причине, что в течение года её брали к себе домой едва ли не каждую неделю, но выдержать этого ужаса никто не мог. Каждую полночь являлся Гуляй и учинял разгром. Разумеется, делал он это не со зла, а потому что хотел есть. Увы, насытиться он не мог, ведь желудка-то у него не было! А так как с хозяевами Кася по вполне понятным причинам не разговаривала, они думали, что все эти бесчинства устраивает она.

– Каждую ночь?! – котинька беспомощно опустила на диван.

Дмитрий Олегович же мужественно вытирал пол от масла. Он считал себя виноватым, что не выяснил все обстоятельства с самого начала.

– И что, теперь так будет всегда?!

– Успокойся, котинька, мы что-нибудь придумаем. Кася, а в приюте то же самое было?

В приюте было то же самое. Опрокидывались миски с едой и водой. Рвались мешки с кормом. Грохотали сетки вольеров. Поэтому все собаки вокруг и не любили Касю. Бедная Аня, хозяйка приюта, постоянно ходила в слезах, не зная, отчего такая катастрофа.

На свежую голову

– Вы меня теперь обратно вернёте, да? – спросила Кася.

Кирпичниковы переглянулись и в один голос сказали:

– Нет.

– Не для того я собаку брал, – развернул краткий ответ Дмитрий Олегович, – чтобы назад её возвращать. Этот Гуляй ещё вернётся сегодня?

– Нет, он только раз в сутки появляется.

– А ты можешь узнать, чего он хочет?

– Жрать он хочет, собака сутулая, говорила же я!

– Хм... – Дмитрий Олегович некоторое время тёр подбородок, а потом сказал: – Вот что, девочки. Это очень серьёзная проблема, и решать её нужно утром, на свежую голову. Всем спать!

Последствия безобразия, устроенного Гуляем, совместными усилиями были устранены, поэтому все разошлись по местам и легли спать. И на этот раз всё обошлось без приключений.

Спали Кирпичниковы, спала Кася, спал лес, спала деревня, спал где-то собачий приют, затих призрак Гуляя. Даже половинка луны в небе спала, закрывшись набежавшей тучей. Спали все.

Правила Каси

Зазвенел будильник. Дмитрий Олегович встал, оделся, нацепил на Касю поводок и сказал:

– Идём гулять.

Мог и не говорить, потому что Кася давно уже не спала и бесцельно шлялась по дому в ожидании прогулки.

Но на улице она вдруг остановилась.

– Ты чего? – спросил Дмитрий Олегович.

– Кто-то вчера обещал, что утром гуляем по моим правилам.

– Кхм... И каковы правила?

– Я гуляю без поводка.

– И всё?

– И всё.

– Ладно... – Дмитрий Олегович, предчувствуя, что ещё пожалеет о таком опрометчиво данном обещании, отстегнул карабин от Касиной шлейки.

– Эх! – радостно подпрыгнула Кася.

И они пошли по вчерашнему маршруту: мимо домов и заборов, через трассу, в лес. Какое-то время Дмитрий Олегович думал, что всё будет как вчера, только без поводка, но едва шум машин заглушил шум ветра в деревьях, Кася нырнула в подлесок и исчезла.

Поиски

Какое-то время ещё было слышно, как Кася азартно кричит: «Ах, ах, ах, белка! Ах, ах, ах, птичка! Ах, ах, ах!», но возгласы эти быстро удалялись, а вскоре и вовсе прекратились. Какое-то время Дмитрий Олегович прислушивался, но вдруг зазвонил телефон.

– Алло.

– Здравствуйте, Дмитрий Олегович. Это Аня, из приюта. Как у вас дела?

Дмитрий Олегович похолодел. Он и забыл, что Аня обещала звонить каждый день, чтобы узнавать, как дела у Дамочки.

– Здравствуйте, Аня, – как можно беззаботнее ответил он, обходя завал из сухих веток. – У нас всё хорошо, прямо сейчас гуляем в лесу.

– Всё в порядке, никаких приключений?

– Э... – Дмитрий Олегович нечаянно задел плечом намокшую еловую лапу, и его окатило водой. – Очень скучно. Просто идём, и всё.

– То есть вообще всё нормально, без происшествий?

– Золотая собачка – ест и спит.

– Вы мне потом фото пришлёте?

– Обязательно. Извините, здесь плохая связь, я перезвоню, – соврал Дмитрий Олегович и выключил телефон.

Стыд какой, думал он. Собственная собака обманула. Сам виноват, нужно было договариваться до того, как поводок снимать. Так, спокойно, она не могла уйти далеко. Нужно только погромче звать.

– Кася! – крикнул он. – Касенька!

Напрасно Дмитрий Олегович орал на весь лес. Напрасно бегал сквозь мокрые кусты, прыгал через скользкие поваленные деревья, брёл по зарослям свёрнутого в рулетики

папоротника. Вокруг щебетали щеглы, зяблики и прочая пернатая мелкота, скрипели могучие стволы над головой, далеко вверху кричал коршун, но Каси слышно не было.

«Поймаю – уши надеру, собака ты сутулая», – подумал Дмитрий Олегович и обречённо полез в непролазную чащу.

Лужа

В какой-то момент ему показалось, что между деревьев мелькнула чья-то тень. Победно заорав «Кася, Кася», Дмитрий Олегович бросился вперёд. И вдруг оказался на лесной дороге. Он посмотрел налево, направо, но были видны лишь мачты высоковольтной линии электропередач. Ни человека, ни зверя, ни птицы. Хотелось есть и пить, а ещё бросить всё и идти домой.

Дмитрий Олегович посмотрел на часы. По всему выходило, что он бегал по лесу почти пять часов. Позвонить домой он не мог, потому что связь здесь не брала. Дома, наверное, все с ума сошли. Вернее, с ума сошла Ирина Валерьевна, Полина должна быть в школе, и с ума сойдёт только потом, когда узнает о пропаже Каси.

– Кася! – в последний раз крикнул Дмитрий Олегович.

Но ответа не было. Он тяжело вздохнул, оглянулся напоследок, и тут же увидел Касю. Она склонилась над лужей и тихонько лакала воду.

– Немедленно иди сюда, – строго приказал Дмитрий Олегович.

Кася посмотрела на него, не прекращая пить. И Дмитрий Олегович уже собрался надрать обманщице уши (может, она и про Гуляя всё наврала? А может, она и говорить-то не умеет?!), но тут взгляд его упал на влажный песок, и приоритеты моментально поменялись. Он быстро подскочил к Касе, застегнул карабин на шлейке, и потащил собаку прочь.

Босяк

Какое-то время Кася шла за Дмитрием Олеговичем послушно, но минут через пять начала капризничать.

– Куда ты меня тащишь?!

– Домой.

– Чего так быстро?

– Кася, кто из нас охотничья собака, ты или я?!

– Ну, я.

– Без ну, пожалуйста. Ты видела следы босых ног рядом с лужей?

– А, ты босяка испугался...

– Какого босяка?! Я точно знаю, что это были медвежьи следы!

– Я так и сказала. Пахомыч его босяком звал.

– Да, я испугался босяка. Думаешь, напрасно?

– Босяк, конечно, опасен, – согласилась Кася. Говорила она через раз, язык вывалился у неё изо рта, и по нему обильно стекала вода. – Только он прошёл ещё на рассвете, и сейчас далеко отсюда. Ну, хватит бежать, давай отдохнём.

Домой

Дальше они уже шли медленно, и Кася останавливалась у каждой лужи, чтобы напиться.

– Не ори в лесу, как потерпевший, – говорила она. – Твоё счастье, что босяк давно прошёл, а то бы услышал тебя, собака сутулая...

Дмитрий Олегович поёжился. Он боялся босяков. Казалось бы – всего пара километров от дома, а вот они, босяки, рядом.

– Я прекрасно слышу, где ты ходишь. У меня работа, я не могу на тебя всё время отвлекаться, – продолжала Кася.

– У меня обязательства перед Аней, – с достоинством ответил Дмитрий Олегович. – Кстати, она звонила.

– Зачем? – насторожилась Кася.

– Узнать, как у нас дела.

– Скажи, что хорошо.

– Я и сказал. Но она попросила фото прислать.

– Так пришли!

– Кася, мне кажется, ты здесь вовсе не главная.

Кася надулась и дальше шла молча. И лишь когда показалась крыша дома, Дмитрий Олегович вдруг спохватился и сказал:

– Что бы ни случилось, не говори, что мы видели медвежьи следы. Иначе гулять будешь только во дворе и только на поводке. Я не шучу.

– Ладно, – ответила Кася.

Дома им попало

– Я тут места себе не нахожу, думаю – вас там медведь съел! – громко и чётко, чтобы все поняли, говорила котинька. – Пять часов! Чем можно заниматься в лесу пять часов?

– У меня работа, между прочим, – попыталась возразить Кася.

– Ах, рабобоота!.. – котинька вся подобралась, будто собираясь прыгнуть, и даже, казалось, хвостик на её розовой шубе встал дыбом. Кася поняла, что сейчас её будут бить, поэтому упала на бок и задрала лапы вверх.

– Немедленно встать! – потребовала котинька.

– Не встану, – сказала Кася.

– Митя, поставь её на ноги!

– Укушу, – предупредила Кася.

– Что?! – возмутился Дмитрий Олегович.

– Я устала! Я сутулая! Я зайца искала! Я есть хочу!

Дмитрий Олегович прошёл к плите и демонстративно поставил на неё кастрюлю, давая тем самым понять и жене, и собаке, что собирается чего-нибудь приготовить.

– Еда в миске на террасе, – сказала Ирина Валерьевна, слегка остыв. – Но учтите – этот разговор не окончен!

Кася открыла рот, но Дмитрий Олегович проворно вытолкнул её на террасу, чтобы собака, не дай бог, не сказала чего-то, о чём потом придётся горько сожалеть. Пока Кася чавкала, в доме проходил какой-то серьёзный разговор, хотя говорила в основном котинька.

За компанию

Со своей порцией Кася разобралась быстро. Дмитрий же Олегович старался есть помедленнее, рассчитывая, что котинька успокоится. Ирина Валерьевна и вправду успокоилась, и теперь примеривалась, как удачнее сфотографировать собаку.

– Зачем меня фотографировать? Что я – маленькая? – опять полезла в бутылку Кася.

– Для отчётности, – строго сказала Ирина Валерьевна. – Лежать и изображать счастье, ясно?

По выражению лица и интонациям голоса Кася поняла, что, если она послушается, ночной погром Гуляя будет куском колбасы в каше её жизни. Она вскочила на лапы и радостно завияла хвостом.

Удовлетворённая результатом котинька погладила Касю по голове. Потом погладила по голове Дмитрия Олеговича.

- Меня-то за что?
- За компанию.

Категорически отказано!

Казино фото, отправленное через интернет, Ане очень понравилось, она тут же выложила его на сайте своего приюта и пожелала Кирпичниковым удачи, а Касе – ни пуха ни пера. Ирина Валерьевна прочитала ответ вслух, и Кася тут же сказала:

- Может, сходим на охоту?

Ирина Валерьевна посмотрела на Касю таким взглядом, что Дмитрий Олегович поспешил выйти на террасу.

- В охоте категорически отказано! – сказала Ирина Валерьевна.

Сказала негромко, но если бы она таким голосом приказала тучам разойтись, то пасмурный день в тот же момент стал ясным. Кася преданно посмотрела в глаза хозяйке и ответила:

- Будет сделано!
- Умница, – похвалила её Ирина Валерьевна. – Хочешь сухарик, собачка сутулая?

Кася очень хотела. Хрустя сухариком, она легла на своё место и подумала: «И правда, зачем мне эта охота? У Митеньки даже ружья нету, как тут охотиться?»

Веха

Вскоре вернулась из школы Полина. Она сходу швырнула тяжеленный ранец в угол, не снимая куртки пробежала к Касе и обняла:

- Привет, Касенька! Миленькая собачка!

Кася подняла на Польшу глаза и нехотя села. А Польша глянула на часы и вскричала:

- У нас же праздник! Круглая дата!

Все удивлённо посмотрели на неё.

- Ровно сутки, как у нас есть собака! Поздравляю, Касенька!

И Польша крепко обняла Касю. Затем она вскочила, открыла холодильник, отрезала толстый кусок колбасы и бросила собаке. Кася поймала кусок из положения лёжа и сделала смачное «ам». Колбаса её несказанно взбудрила, Кася вскочила и подбежала к столу.

- Эй, девицы! – запротестовал оторопевший от такой наглости Дмитрий Олегович.
- Так нельзя! Польша, раздеваться и мыть руки! Кася, на место!

– Папа, но ведь юбилей! – Полина сделала ангельское личико и быстро-быстро заморгала.

- Это не юбилей, – отрезал папа.

- Но ведь дата!

– Дата. Но не юбилей. Это такая... кхм... небольшая веха в наших отношениях. И нечего на такую мелочь колбасу переводить. Лучше поешь сама и слегка прогуляй собаку.

- Что я – маленькая?.. – возмутилась было Кася, но Дмитрий Олегович так посмотрел, что возмущаться расхотелось.

Кирпичниковы перестали казаться такими уж дружелюбными. Какими-то они оказались недружелюбными.

Неадекватный незнакомец

Польша быстро закидала еду в рот, не прожевав, умчалась в свою комнату, чем-то там погромела, потом выскочила уже переодетая и, запрыгнув в ярко-жёлтые сапожки, сказала:

– Кася, гулять!

Кася потянулась по-собачьи, позволила нацепить на себя шлейку и терпеливо дождалась, пока Польша справится с тугим карабином на поводке. Вскоре они оказались во дворе.

– Из деревни не выходить! – напутствовала с террасы Ирина Валерьевна.

– Что мы – маленькие? – беззаботно ответила Польша, и они ушли со двора.

И почти сразу столкнулись с незнакомцем. Вернее, это Польша уткнулась лицом в его живот.

Незнакомец Касе сразу не понравился. Слишком высокий, в болоньевом, наглухо застёгнутом коричневом плаще, из-под которого едва высывались носки огромных резиновых сапог. Физиономия тоже была отталкивающая: подвижный розовый нос, хитрые усишки на заросшем лице, золотой зуб, расходящееся косоглазие и огромная вязаная шапка. На улице май, а он в шапке расхаживает!

– Ой, – сказала Польша. – Извините.

– С-смотреть н-надо, к-куда и-идёшь, – пробормотал незнакомец, одним глазом глядя куда-то в лес, а другим – на Касю.

Касе такое обхождение не понравилось, и она зарычала.

– Д-держи с-свою п-псину к-крепче! – незнакомец отскочил в сторону и как-то неуклюже пошёл прочь.

Польша вцепилась руками в шлейку и сказала:

– Тихо, Кася, он какой-то неадекватный.

Кася принялась. Запах у незнакомца был тоже неадекватный: резиново-землисто-лесной, с какими-то растительными нотками, а ещё – сильный и отвратительный запах табака. Негодяй, похоже, был отчаянным курильщиком.

Час от часу не легче

Кася встряхнулась, чтобы перестать думать о подозрительном незнакомце. Польша, судя по всему, о нём сразу забыла, потому что беззаботно зашлёпала по лужам вдоль деревенских заборов. И почти сразу оттуда начали лаять собаки.

Сначала Кася терпела. Когда лают здоровенные псы, посаженные на цепь, им даже в чём-то сочувствуешь. Даже гулять на поводке не очень приятно, а уж сидеть на привязи – это вообще свихнуться. Кася видела таких сумасшедших собак – они даже без цепи бегали лишь туда-обратно и лаяли даже на собственную тень.

Но когда на неё стали лаять из-за калиток козьячковые той-терьеры и непонятных кровей собачонки на самовыгуле, нервы у Каси не выдержали. Она подождала, пока такая сутулая полуболонка-полутакса с шишабарником в свалывшейся шерсти отбежит подальше от своего забора, и рванула к ней.

Мелкая скандалистка не ожидала такой реакции от меланхоличной Каси, взвизгнула и упала на спину, демонстрируя покорность.

– Кася, нельзя! – крикнула Польша и натянула поводок.

Какое там! Кася весила немногим меньше Полины, и потому выдернула девочку из сапожек и потащила за собой, как лошадь сани.

Предательство

И только Кася собиралась как следует проучить обидчицу, как на спину ей упало что-то тяжёлое, а в пасть вцепилось что-то цепкое.

Это была Польша. Настроена она была весьма серьёзно.

– Фу, Кася! – кричала девочка. – Фу! Не обижай маленьких!

Кася от такого предательства даже опешила. Маленькая хозяйка должна была так запрыгнуть на мелкую шавку и вздуть её как следует.

Полутакса-полуболонка поняла, что ещё не умерла, и быстро убежала восвояси, опять с громким лаем. Польша слезла с Каси и пошла за своими сапожками босиком по грязи. Несмотря на жуткий перелай, заглушавший все остальные звуки деревни, Кася разобрала, что маленькая хозяйка плачет.

Кого можно обижать

– Тебе больно? – тихо, чтобы никто не услышал, спросила Кася, вплотную подойдя к Польше.

– Отстань, – шмыгнула носом Полина.

Кася не понимала, почему девочка плачет, но зато знала, что слёзы солёные, а всё солёное Касе очень нравилось. И она начала слизывать соль с лица Полины.

– Не подлизывайся, – продолжала плакать Польша. – Я думала, ты такая... добрая, ласковая. А ты маленьких обижаешь!

– А больших, значит, обижать можно? – спросила Кася, на минуту оторвавшись от вкусных слёз.

Полина снова шмыгнула носом, но плакать перестала.

– А тебя разве обидели?

– Да, – сказала Кася и снова принялась вылизывать щёки Полины.

– А что она тебе сказала?

– Не скажу.

– Это что-то неприличное?

– Не скажу.

Кася не стала признаваться, что собаки лают без желания обидеть, просто ревнуют прохожих к своему забору.

Иннокентий

Польша кое-как отряхнула носки и снова натянула сапожки.

– Не дёргай меня больше! – предупредила она.

Кася уклончиво промолчала. Как можно обещать то, чего ты в любом случае выполнять не собираешься?

Деревенские собаки вроде успокоились, из-за туч выползло солнце, и у Польши вновь поднялось настроение. Она болтала напропалую о том, что с ней произошло в каком-то непонятном месте под названием «школа». Кася почти ничего не понимала, но у неё сложилось впечатление, что «школа» – это что-то вроде притривочной станции и центра передержки. В любом случае, ей было неинтересно.

Интересно началось, когда они вышли на центральную деревенскую улицу. Если прочие улицы были просто грунтовые, то эта была отсыпана щебёнкой, раза в два шире, и по ней время от времени проезжали, брызгаясь, автомобили.

А ещё им навстречу шёл огромный восточно-европейский овчар, без поводка, но в ошейнике и с поленом в зубах. Увидев Касю, овчар сначала замер, затем завилял хвостом, а потом быстро побежал к ней. Полине показалось, что пёс очень рад их видеть и намерен поиграть.

– О, нет, – Кася стала нервно переступать с лапы на лапу. – Собака сутулая, только не он!

– Что такое? – удивилась Польша. – Ты его знаешь?

– Да. Это Иннокентий.

Где полено?!

Кася мысленно попрощалась с жизнью и приготовилась драться. Но едва овчар приблизился на расстояние прыжка, раздался тонкий старушечий голос:

– Иннокентий! Иннокентий! Ты где?

Овчар резко остановился.

– Иннокентий! Где полено?

Овчар оглянулся назад, и Польша, проследив его взгляд, увидела, что чуть ниже, по чётной стороне улицы, из покосившейся калитки выходит маленькая пухленькая бабушка в стёганном халате, обрезанных валенках и в выцветшей войсковой панаме на голове.

– Иннокентий, вернись!

Иннокентий встал на дыбы, сделал почти солдатский разворот кругом, и побежал к бабушке.

– Какой послушный! – восхитилась Польша.

– Быстро идём отсюда, – шёпотом попросила Кася. – Добром это не кончится.

И сама, не дожидаясь, пока Полина сообразит, потрусилась обратно. Но тут бабушка как подпрыгнет!

Мадам

– Мадам! Это же Мадам! – закричала бабушка. – Девочка, откуда у тебя Мадам?!

Полина растерялась. С одной стороны, Кася настаивала на немедленном отступлении, и изо всех сил тянула за собой, рискуя вновь выдернуть Польшу из сапог. С другой стороны, обижать незнакомую бабушку Полине тоже не хотелось. К тому же ей было до чесотки любопытно, про какую это Мадам идёт речь.

Бабушка расторопно подбежала к Полине, но никакого внимания на неё не обратила, а попыталась осмотреть Касю. Поводок был длинный, и Кася не давала себя разглядывать, бегая то влево, то вправо. Бабушка некоторое время металась за ней, но быстро устала, строго посмотрела на Полину и сказала:

– Не стыдно? Возьми собаку на короткий поводок!

Полина нехотя подчинилась. Бабушка поправила на носу очки и бесцеремонно ощупала упирающуюся Касю от головы до хвоста.

– Это Мадам! – заключила бабушка, выпрямившись, и сурово посмотрела на Полину. – Откуда у тебя Мадам?!

– Это не Мадам, а Кася, – ответила Полина. – Папа забрал её из приюта.

– Почему это она Кася?

– Потому что я её так назвала. Видите, у неё на носу...

– Ты не перебивай, когда с тобой старшие разговаривают!

Побег

Полина слегка струсилась. Издалека бабушка казалась ей весьма забавной, да и пёс её выглядел, несмотря на размеры, вполне дружелюбным. Но вблизи ничего забавного в бабушке не оказалось.

– Я ей собственноручно кличку дала – Мадам! – сказала бабушка. – Самолично её из приюта домой привезла, накормила, напоила, с Иннокентием познакомила!

– Можно, мы пойдём? – спросила Полина, которой стало совсем страшно.

– Куда это вы пойдёте?!

– Домой...

– Что ты мне врешь?! Домой она пойдёт!

Бабушка замахнулась на Полину, но сделала она это абсолютно зря, потому что Кася подумала, что бить будут её, и шмыгнула у бабушки между ног. От неожиданности бабушка потеряла равновесие и опрокинулась на спину, потеряв валенок с правой ноги.

На этот раз Полина забыла о вежливости и вместе с Касей задала стрекача. Они пронеслись мимо полураскрытой калитки, откуда выглядывал, вывалив розовый язычище, Иннокентий. Польша не стала смотреть, что предпримет овчар: бросится ли в погоню, или отправится помогать хозяйке. Они с Касей бежали, куда глаза глядят, лишь бы подальше от пугающей бабушки, и остановились только тогда, когда деревня закончилась.

– Откуда ты их знаешь? – спросила Польша у трусливо озирающейся Каси.

Несколько хозяев назад

Это произошло прошлым летом, когда Кася – тогда ещё Дамка – только появилась в приюте. Её уже пару раз брали к себе, в первую же ночь Гуляй показывал себя, и Дамку возвращали назад. И вот однажды за ней пришла та самая бабушка.

Бабушка сказала, что её пёсику нужен компаньон, и выбрала «собачку покрупнее и поинтеллигентнее». В приюте подумали: старушка благообразная, уже имеет собаку, значит, животных любит, и Дамку отпустили с бабушкой.

Поначалу казалось, что всё нормально: Дамке надели намордник, посадили в машину и привезли куда-то, где было много домиков, утопающих в зелени. У одного из таких домиков бабушка высадила Дамку, посадила на цепь, назвала Мадам и заставила охранять картошку на пару с Иннокентием, а сама укатила по делам.

Иннокентий тоже сидел на цепи, но далеко от Мадам. Мадам же сразу затосковала, улеглась на солнцепёке и приготовилась умирать.

Едва летний ветерок донёс из города сигналы точного времени – «полночь на часах, а в нашей студии долгожданный автор хитов...», к узнице явился Гуляй. Призрак насмерть загрыз всю картошку, выбил ставни в доме, перевернул там всё вверх дном, переколотил банки с заготовками, напугал до икоты Иннокентия и порвал цепь, на которой сидела Мадам. Она тут же стремглав бросилась бежать, и уже утром наткнулась на какой-то магазин, где стала выпрашивать еду у прохожих. А потом приехала Аня, обняла и увезла обратно в приют. Бабушка туда приехала ещё раз и требовала возмещения убытков, но её никто даже слушать не стал.

Вот вы где!

– Ужас какой! – Полина погладила Касю по голове. – Ты не бойся, мы тебя ей не отдадим.

– А кому отдадите? – спросила Кася.

– Никому! Дураки мы, что ли, – говорящую собаку кому-то отдавать?

– Интересно, зачем нас Митенька с котинькой гулять отравили? – задумчиво произнесла собака.

– Да целуются, наверное, – беззаботно ответила Польша. – Родителям иногда нужно побыть наедине, без детей. А почему ты спрашиваешь?

– Кажется, Митенька бежит по деревне и ищет нас.

– Ты это прямо слышишь?! – удивилась Польша.

Кася не ответила, но ей понравилось восхищение и уважение в голосе Полины. Они пошли в обратном направлении, и когда вышли на центральную улицу, то и вправду встретили запыхавшегося Дмитрия Олеговича. Вид у него был крайне взволнованный, если не сказать – испуганный.

– Вот вы где! – обрадовался он. – Немедленно марш домой!

– Мы не виноваты, она первая начала! – попыталась защищаться Полина.

– Кто начала? – насторожился Дмитрий Олегович. – Что ты натворила опять?

– Ничего, она сама упала!

Дмитрий Олегович закашлялся, воровато огляделся по сторонам, и велел:

– Ладно, потом расскажешь. Быстро за мной.

Пока их не было

Оказывается, едва Полина с Касей ушли гулять, во двор к Кирпичниковым забрёл странный незнакомец и стал выяснять, не здесь ли завели собаку.

Папа с мамой попытались выпроводить незваного гостя, но тот никак не хотел уходить. Заикаясь, он объяснил, что собирается на охоту, и ему непременно нужна охотничья собака, и будто ему в приюте сказали, что эту собаку уже забрали.

Папа не мог поверить, что Аня вот так запросто взяла и выдала адрес Кирпичниковых неизвестно кому. Не поверил он и в то, что с таким ужасным расходящимся косоглазием, как у незнакомца, можно было на кого-то охотиться. Правда, вслух он этого не сказал, чтобы нечаянно не обидеть «охотника».

– Мы не отдадим вам собаку, – ответил Дмитрий Олегович. – Мы успели к ней привязаться, и у меня есть обязательства...

– Я з-заплачу! – перебил незнакомец, и достал из кармана пачку денег.

Папа с мамой не поверили глазам: гость предлагал за Касю полмиллиона! Их недоверие и испуг «охотник» принял за жадность, и достал из кармана ещё одну пачку.

И тогда папа сказал:

– Нет!

И спустился с террасы во двор, к незнакомцу. И хотя незнакомец был выше папы на целую голову, Дмитрий Олегович непримиримо начал наступать на него.

– Уберите ваши деньги, – сказал он. – Это оскорбительно! Это безобразие! В конце концов, это взятка при исполнении! Я требую, чтобы вы немедленно покинули наш двор, и больше никогда здесь не появлялись.

Незнакомец обратился к маме, стоящей на террасе:

– М-может, в-вы?..

Но он не договорил. Мама вытащила из кармана смартфон и направила камеру на незнакомца, словно собиралась по меньшей мере застрелить.

– Я вас сфотографировала! – пригрозила она. – И сейчас вызову полицию. И соседей позову.

Гость спрятал деньги в карманы.

– С-сами же п-потом п-пожалуете, – сказал он и какими-то нелепыми, будто подпрыгивающими шагами ушёл прочь.

А мама вдруг забеспокоилась и велела папе немедленно разыскать дочь и собаку, что он и сделал.

Пора и честь знать

После того как Полина рассказала об инциденте с неадекватной бабушкой, всё семейство Кирпичниковых устремило взоры на собаку, и Дмитрий Олегович вслух выразил главный вопрос этого дня:

– Кася, немедленно признавайся, что ты от нас ещё скрываешь!

Но Кася не понимала, чего именно от неё, сутулой, хотят. Она знать не знала незнакомца, и ей в голову не приходило, что за неё могут предложить целый настоящий миллион. Она и в страшном сне не могла представить, что ещё раз столкнётся с Иннокентием и его хозяйкой. И уж тем более не ведала, как быть с её полуночным проклятием – вечно голодным призраком Гуляя.

И она твёрдо в этом призналась.

Ирина Валерьевна нервно дёргала себя за ухо, Дмитрий Олегович гремел посудой, Полина сидела на корточках рядом с Касей. Вдруг Дмитрий Олегович посмотрел на настенные часы и сказал:

– Кажется, кому-то пора и честь знать.

– Ну пааап, – заныла Полина.

– Не обсуждается, – строго велел папа. – Стремительным домкратом летишь делать домашнее задание.

Полина со скорбным лицом встала и сказала:

– Не любите меня совсем! – и ушла в свою комнату.

Где логика?

Пока Полина делала домашнее задание, Дмитрий Олегович перемыл всю посуду и приготовил что-то вкусное. Но Касе, как она поняла, этого вкусного съесть не дадут. Она несколько раз подходила к плите и обожающим взглядом смотрела на хозяина, но он не поддавался обаянию. Тогда Кася решила действовать самым наглым и беспардонным образом: она встала на задние лапы, передние сложила на груди, и заблажила весьма немзыкально:

– У Курского вокзала стою я, молодой...

– Господи, Кася! – взмолилась Ирина Валерьевна, едва не получившая от внезапной Касиной рулады разрыв сердца. – Прекрати немедленно!

Из Полининой комнаты донесся истерический смех. Дмитрий же Олегович невозмутимо помешал ложечкой в кастрюле что-то остро и вкусно пахнущее, потом посмотрел на Касю и сказал:

– За такое в моём детстве сладкого лишали. На неделю.

Непонятные люди, думала про себя Кася, возвращаясь на лежанку. Отказываются от миллиона, но стоит тебе запеть – лишают сладкого. Где логика?

От скуки и недоумения она начала вылизываться, и вскоре так увлеклась, что даже заснула.

В такую погоду хороший хозяин...

А погода на улице окончательно испортилась. Небо плотно затянулось тучами, стало темно. Стёкла слегка дрожали от порывов ветра, деревья за окном раскачивались из стороны в сторону. Дождь ещё не начался, но всё говорило о том, что вот-вот – и начнётся. Дмитрий Олегович мрачно выглядывал на улицу и поёживался.

– Как ты думаешь, Кася, – спросил он, когда дождь, мелкий и нудный, наконец повис в воздухе, – хороший хозяин должен выводить собаку на прогулку в такую погоду?

Кася открыла глаза, выглянула на улицу и ответила:

– Хороший хозяин обязан вывести собаку на прогулку в любую погоду. Но я могу и сама...

– Нет! – вмешалась Ирина Валерьевна. – По одному мы сейчас из дома не выходим. Дмитрий Олегович тяжело вздохнул и начал собираться.

Кого бояться в лесу

На улице было холодно и сыро, и выходила Кася на улицу без энтузиазма. На самом деле ей не особенно хотелось гулять в такую погоду. Но она надеялась, что после трёх-четырёх прогулок в такую погоду Митенька сдастся и будет отпускать её одну.

В лес Дмитрий Олегович заходил уже не столь беззаботно, как это было утром.

– Ты чего? – спросила Кася, когда хозяин заметно сбавил скорость, перейдя через автотрассу.

– А вдруг медведь? Или как ты его там называешь – босяк?

– Да не ходят медведи так близко к людям, – успокоила его Кася.

– Рассказывай. Я сам след видел.

– Я говорила – он на рассвете там проходил. Там дальше база отдыха, у них помойка, они туда всякие объедки выбрасывают. Вот босяк туда и пошёл. А в деревню он заходить не будет – собак много, да и дорогу переходить опасно. Машины же даже ночью идут.

– Вот мы и перешли, прямо к нему в гости, – поёжился Дмитрий Олегович.

– Эх, не того вы зверя боитесь, – от досады Кася даже передёрнулась вся.

– А какого зверя бояться надо?

Кася осмотрелась по сторонам, потом подошла к хозяину вплотную и тихо что-то прошептала.

– Кого? – не расслышал Дмитрий Олегович.

Кася покачала головой – во тетеря глухая! – и повторила:

– Зайца.

Зайцы

– Зайца? – переспросил Дмитрий Олегович. – Это же безобидный зверёк, он всех боится!

– Все так думают, – ответила Кася. – Это зайцы сами такие слухи распустили. Они на самом деле самые наипервейшие злодеи и мошенники в лесу.

– Чем же они тебя так обидели?

– Меня-то? Меня ничем. А вот Гуляй от них много натерпелся, он рассказывал.

Лицо Дмитрия Олеговича выражало насмешливый скептицизм. Касю это задело за живое. И она рассказала всё, что знала о зайцах.

Во-первых, они вырастают огромные-преогромные, иногда со слона. Если такое произойдёт, то пиши пропало – в древние времена стада зайцев могли растоптать город за час-полтора. Некоторое время люди не знали, как быть, но научились копать противозайцевые ямы. Бросят на дно морковку или капусту, заяц пойдёт – и прямо в яму провалится, там-то его, ушастого, и ловили. Постепенно люди поняли, что нельзя зайцам давать вырастать до больших размеров, и начали отстреливать их, едва ушастые разбойники вырастали до размера кабана.

Во-вторых, зайцы постоянно воруют. На памяти Каси у Пахомыча косые в разные годы спёрли: трактор вместе с мацепурой, телегу с навозом, угнали старый «москвич», три бидона свекольного самогона, шкуру медведя, десять пар лосиных рогов, ванну квашеной капусты, антенну от телевизора, несколько тканых половиков, сломанную швейную машинку и внучкин самокат без колеса. И вообще, если где-то у кого-то что-то пропало – можно быть уверенным, что это зайцы постарались.

В-третьих, зайцы травят собак. Постоянно что-то в еду подбрасывают, пока собаки спят, а потом тошнит и в туалет постоянно хочется. И шерсть лезет.

В-четвёртых, все зайцы куряки. Бывало, выйдешь утром на водопой, а над рекой туман плывёт – это зайцы дымят, в каждой лапе по сигарете. И прямо дышать невозможно, и в носу чешется от чиха.

Список был настолько обширен, что Дмитрий Олегович даже испугался. То есть сначала, конечно, он не верил и даже считал рассказ Каси дикими суевериями и предрассудками. Но ведь и призрак Гуляя он тоже воспринимал как дикость. А теперь, если верить Касе, жить становилось страшно, ведь зайцы опутали своими сетями всю землю, и ни одно злодейство в мире не происходит без заячьего санкционирования.

Кася и Дмитрий Олегович прошли вчерашним маршрутом, и уже ни дождь, ни ветер не казались им чем-то неприятным. Ибо стихия – явление преходящее, а зайцы – те пришли в жизнь человека всерьёз и надолго. К концу прогулки Дмитрий Олегович

вздрагивал уже от каждого шороха в траве, и за каждым кустом ему мерещились заячьи уши, и дым из печных труб, который стлался над деревней, казался ему дымом, который зайцы выдыхали из своих сморщенных от продолжительного курения лёгких, злобно при этом щуря свои косые глаза и скаля свои большие зубы.

Что делать

Из леса Дмитрий Олегович с Касей вернулись мокрые как цуцики. Ирина Валерьевна тотчас отправила мужа принимать горячий душ, а Касю вытерла старой плюшевой шторой. Касе это не очень нравилось, она всё время норовила выскользнуть из-под этой огромной тряпки, но котинька надёжно фиксировала её, зажав между ног.

– Между прочим, – спросила она, едва Кася, сухая и разлохмаченная, была оставлена в покое, – что мы будем делать с твоим Гуляем?

– А что мы будем делать? – насторожилась Кася.

– Я не потерплю в своём доме безобразий! – твёрдо сказала Ирина Валерьевна. – Ни от тебя, ни от Гуляя, ни вообще от кого-то ещё!

– И от Митеньки? – ехидно поинтересовалась Кася.

– От Митеньки – особенно, – ответила хозяйка. – Потому что он взрослый интеллигентный человек, и должен вести себя соответственно.

– Кто у нас взрослый и интеллигентный? – спросил Дмитрий Олегович, выходя из ванной. Горячий душ разогнал все его страхи и тревоги. – Надеюсь, это я?

– Да, – Ирина Валерьевна поцеловала мужа в щёку. – И поэтому никаких безобразий, понял?

– Не в мою смену, – пообещал Дмитрий Олегович.

– Так что мы будем делать с inferнальным довеском к нашей собаке? – повторила Ирина Валерьевна вопрос.

– Давайте Касе крестик на шею повесим, – предложила Польша. – В фильмах это от вампиров помогает.

– Во-первых, Гуляй – не вампир, а привидение, – сказал Дмитрий Олегович. – А во-вторых, он собака, которая померла от голода...

Он задумался, глядя во двор. Во дворе, помимо деревьев, травы и забора, имелся ещё канализационный колодец, а рядом с ним стояла большая железная бочка, в которой Кирпичниковы сжигали прошлогоднюю траву и всякие ненужные деревяшки.

– Древние люди, чтобы усмирять духов, бросали еду в огонь. Может, нам в полночь сжечь кусок колбасы?

– Думаешь, поможет? – неуверенно спросила Ирина Валерьевна.

– Пока не попробуем – не узнаем, – сказал Дмитрий Олегович.

Жертвоприношение

Касе было немного обидно. Значит, ей колбасы никто не отрезал, а Гуляю, которого никто из Кирпичниковых и в глаза не видел, вот так, запросто! Она даже пыталась предложить съесть колбасу за Гуляя, а ему рассказать, как было вкусно, но это предложение было отвергнуто как контрпродуктивное.

– Мы тут не ужинать собираемся, а мятежный дух усмирять, – сказал Дмитрий Олегович.

В качестве жертвенника он решил использовать мангал, потому что сухих дров для сжигания колбасы у него не было. Зато у него оставалось немного берёзового угля и жидкости для розжига.

За двадцать минут до полуночи Дмитрий Олегович вытащил во двор Касю, мангал, уголь, решётку для барбекю, пару кусков колбасы и, на всякий случай, несколько засохших хлебных корок. Касю на поводке привязал к ближайшей берёзе, а сам,

закрывшись зонтом, поставил бумажный мешок с углем в мангал, хорошенько полил горючим и поджёт.

Ветер, который рвал из рук зонтик и не давал пламени разгореться, вдруг передумал, и начал помогать раздувать угли. Очень скоро они равномерно пылали красно-оранжевым, и капли дождя яростно шипели на разогретых боках мангала.

– Который час? – крикнул Дмитрий Олегович.

– Без двух минут! – крикнула в ответ Ирина Валерьевна. – Давай уже!

– Есть давать!

С этими словами решётка для барбекю, в которой прижались друг к другу хлеб и колбаса, легла на уголья.

Гуляй принимает жертву

Колбаса была жирная, и сразу распространила вокруг умопомрачительно вкусный запах. Кася обеспокоенно втягивала этот воздух.

– Может, он не придёт сегодня? – канючила собака. – Мало ли какие у него дела? Дайте лучше...

Вдруг всё вокруг стихло – и дождь, и ветер. Луна осветила двор, и все увидели, что мангал мелко трясётся. Шкворчание колбасы на угле будто выключили, и запах подгорающей колбасы тоже куда-то исчез.

Густой дым от сгорающих продуктов поднимался над мангалом, но не рассеивался, а становился плотнее, постепенно обретая форму. Ирина Валерьевна и Полина, наблюдавшие с террасы, увидели, что это огромный гончий пёс.

– Мамочка... – прошептала Польша.

Бутерброды стремительно превращались в уголь, а призрачный пёс становился всё реальнее. Он втягивал носом дым от бутербродов, а потом вдруг поднял полупрозрачную голову и посмотрел куда-то в сторону леса, будто что-то учуял.

Ну нафиг, подумала Кася, сейчас Гуляй, чего доброго, оживёт на моей колбасе, и меня обратно в приют вернут. И она громко гавкнула.

Тотчас дым рассеялся, остатки бутербродов рассеялись в прах, а угли потухли.

– Представление закончилось, – потрясённым голосом объявил Дмитрий Олегович. – Всем спать.

Без задних ног

Дрыхла Кася самозабвенно, без задних, что называется, ног. Она и передних-то ног не чувствовала, и хвоста, и ушей, и носа... Вообще ничего. Настолько ей сладко и прекрасно спалось. Снился ей чистый-пречистый лес, без мусора, без бурелома, только цветочки-ягодки да кусты, на которых висела колбаса, и косточки, и яблочки, и ещё что-то, что вчера Митенька в кастрюльке помешивал. И только Кася хотела всё это съесть, неторопливо и с удовольствием, как появились Пахомыч с Гуляем и всю эту красоту ненаглядную проглотили.

– Дамка, ко мне! – говорит Касе Пахомыч.

– Вот ещё! – обижается Кася. – Я уже не твоя собака, а чужая!

– Ко мне, чёртова псина! – сердится Пахомыч.

– Тебе надо – ты и иди, – огрызается Кася.

Тут Гуляй подходит к Пахомычу и говорит:

– Ты что, не видишь – у неё лап нет.

Кася смотрит – батюшки! И правда – лап нет. И хвоста! И ушей! И носа!

– А! – заблажила Кася. – Украли! Где?!

И видит Кася, что дальше, в кустах, прячется заяц! И тащит этот заяц – что бы вы подумали? – Касины лапы с хвостом, и всё остальное. И хочется Касе крикнуть: отдай!

ворюга! а не может, потому что всё заяц утащил. И плачет Кася, а слёз тоже нет, потому что вообще ничего от неё не осталось.

И кто я теперь, думает Кася. Собака я сутулая, меня ж теперь даже в приют не примут.

И только хотела она взвыть от тоски, как кто-то подсунул ей под нос кусок колбасы.

Доброе утро

Кася открыла глаза – а перед ней и взаправду колбаса! Это Дмитрий Олегович в хорошем настроении проснулся и решил Касю взбодрить.

– Ам! – сказала Кася.

– Доброе утро, – поздоровался хозяин. – Гулять идём?

Вот что у людей за глупая привычка – спрашивать об очевидных вещах? Конечно, идём!

Кася вскочила и завиляла хвостом.

– Я только чай допью. А то вчера с тобой...

Без лишних слов Дмитрий Олегович вылил в себя остатки чая, и они вышли на улицу.

Небо было лазоревое, солнце ещё не показалось из-за леса, но все птицы уже всю галдели, приветствуя новый день. Хотелось мчаться, распутывать след и выгонять дичь.

– Кася, только давай сегодня не так, как вчера. Как-то цивилизованнее, – попросил Дмитрий Олегович. – Гуляй без поводка, но чтобы я тебя видел.

Колбаса приятно щекотала желудок, и Касе хотелось сделать для Дмитрия Олеговича что-нибудь приятное, поэтому она согласилась.

Ах! Ах! Ах!

Но если бы Кася знала, что случится буквально через минуту – ни за что бы не соглашалась.

Едва они ступили на лесную тропу, в ноздри ей ударил густой, хоть зубами его рви и жуй, запах зайца. Ух, какой это был запах! Заяц издевался! Заяц будто следил за ней и ждал, когда Кася скажет, что никуда от хозяина убежать не будет, а после нагло развалился на тропинке, и не просто развалился, а прямо катался по ней, скакал то на одной, то на другой ножке, плюхался на живот, садился и елозил задом.

– Заяц! – заорала Кася, и шерсть у неё на загривке встала дыбом. – Заяц! Дмитрий Олегович, тут заяц!

– Где?! – Дмитрий Олегович встал в боевую стойку и приготовился отбиваться.

– Да вот же! Тут же был! вот только что! Он туда побежал! – Кася посмотрела влево, в самую гущу подлеска.

– И пусть его, – слегка расслабился Дмитрий Олегович.

– Как это – пусть?! Это же – заяц! Это же – зверь! Ах! Ах! Ах!

– Кася, мы договорились, – с нажимом сказал Дмитрий Олегович. – Ты без поводка, но гуляешь в пределах видимости!

– Так след же простынет!

– Кася! Стой! Немедленно назад!

Обстоятельства непреодолимой силы

Какое там! Инстинкт взял верх над воспитанием, над второй сигнальной системой и над здравым смыслом. Инстинкт схватил Касю за шкуру, встряхнул и сказал:

– Соберись, собака сутулая! Гони ушастого! Одна нога здесь, другая – там!

Кася к инстинкту относилась очень серьёзно. Это вам не какой-то условный рефлекс типа «дай лапу», это наследственность, память предков! Хотя никого из предков Кася не знала, даже с родителями своими она никогда не виделась, хотя теоретически они у неё были – ведь откуда-то же она взялась! И потому она решила, что обстоятельства непреодолимой силы освобождают её от обязательства гулять в пределах видимости хозяина.

– Заяц! Заяц, стой! Ах! Ах! Догоню!

Куда приводит инстинкт

Запах с каждым шагом становился всё более отчётливым. Зверь, оставивший его, был если и не величиной со слона, но всё равно очень крупный: он ломился через лес напрямик, не петляя, оставляя во влажной почве глубокий отчётливый след.

Касе казалось, что она почти видит впереди широкую, как дверь, спину зайца, слышит, как свистит ветер в его огромных, как крылья самолёта, ушах, различает каждый волосок на его маленьком, но всё равно большом хвостике, и вот-вот вцепится зубами в его гигантскую пятку...

– Поймала! Поймала! Пойма...

Земля под Касей вдруг разверзлась, и она с недостойным в её возрасте визгом провалилась в какую-то яму.

А в это время...

Казалось бы, опыт должен был научить Дмитрия Олеговича, что Кася – взрослая опытная выжловка, и искать её по лесу смысла не имеет, сама вернётся, когда набегается. Но вчерашний странный разговор о зайцах заставлял испытывать смутное беспокойство. Поэтому Дмитрий Олегович сделал сначала шаг, потом другой, и вскоре уже бежал меж ёлок и сосен, пытаясь разобрать Касин голос.

И поначалу азартные возгласы собаки слышались вполне отчётливо, и даже шум автотрассы не слишком их заглушал. А потом Дмитрию Олеговичу послышалось, будто Кася завизжала.

– Кася! – закричал Дмитрий Олегович. – Кася, ты цела? Кася, отзовись!

Но Кася не отзывалась.

В яме

Придя в себя, Кася задрала голову, чтобы понять, откуда она упала. Вверху голубел квадрат неба, по краям которого виднелись высохшие зонтики прошлогоднего борщевика. Встав на задние лапы, Кася попробовала дотянуться до одного из краёв, однако её роста тут явно было недостаточно. Вот если бы тут был Дмитрий Олегович...

Мысль о хозяине сначала Касю воодушевила. Сейчас он придёт и вытащит её отсюда. Но в следующий миг она поняла, что не придёт и не вытащит. А виновата она в этом сама. Кричать нельзя: если случайные люди узнают, что она говорящая – бед не оберёшься, ещё хуже, чем в яму провалиться.

Кася огляделась по сторонам, и первое, что она увидела – собачий скелет, обтянутый облезшей и поеденной личинками кожей с клочками шерсти. Скелет лежал в дальнем углу на куче сгнивших тряпок.

Значит, лаять тоже бесполезно. Никто не услышит.

– Бедная я, бедная, – прошептала Кася и заплакала.

И в это время сверху на неё кто-то посмотрел.

Заяц

Это был он, заяц, за которым она гналась. Огромный, больше Дмитрия Олеговича. Вязаная шапка сдвинута на затылок, рваные ушицы задиристо топорщатся, из уголка рта торчит дымящаяся сигарета.

Заяц затянулся, вынул сигарету изо рта, и презрительно выпустил дым в морду Касе. Сквозь клубы она заметила, что левый верхний резец у зайца золотой.

– Ах, ты!.. гад! Это ты меня заманил! Я тебя узнала! Это ты вчера купить меня хотел! Эй, прыгай сюда, собака сутулая! Я тебя порву здесь! – зарычала Кася.

Но заяц не сказал ни слова, просто ушёл. И Кася поняла, что так здесь и умрёт.

Прохожий

Вообще лес рядом с деревней был довольно оживлённым местом. Кроме животных в нём часто встречались люди, как правило – пенсионного возраста. Они ходили по лесным тропинкам, активно перебирая лыжными палками, и называли это скандинавской ходьбой.

Вот и сейчас Дмитрий Олегович заметил прохожего далеко впереди.

– Эй, подождите! – крикнул он. – Вы здесь собаку не видели?

Прохожий будто и не слышал его окрика, шёл себе и шёл, даже не оглянулся. Дмитрий Олегович попытался его догнать, но запутался в молодом ивняке, а когда, чертыхаясь, выбрался на открытое место – дренажный ров, тянувшийся вдоль заброшенного поля – прохожего и след простыл.

Рекогносцировка

Дмитрий Олегович огляделся. Метрах в ста на запад мельтешила машинами автотрасса, за ней виднелась деревня. Между автотрассой и лесом, из которого вышел Дмитрий Олегович, раскинулось поле, всё сплошь дырявое от нор землероек. Левый край поля был едва виден, зато справа оно закончилось, и там, вдоль листовенного перелеска и огромных как доисторические папоротники, высохших борщевиков, тянулась заросшая грунтовка, по которой, скорей всего, прохожий и ушёл. Шум трассы заглушал все лесные звуки, видимо, поэтому прохожий Дмитрия Олеговича и не расслышал.

– Кася! – вновь позвал Дмитрий Олегович. – Ты где?

Кася причитает

– Зачем он мне сдался, это чёрт ушастый! – горевала в яме Кася. – Хорошо же всё было: колбаска, гульки без поводка! Говорила же вчера – никакой охоты! Да у них и ружья никакого! Что бы было, догони я этого подлеца косоного? Он бы нас двоих загрыз, как морковку!

На минуту ей показалось, что она слышала крик Дмитрия Олеговича, но эту мысль она быстро отбросила, потому что он наверняка сейчас дома, готовит ей кашу. Думает, наверное, что она нагуляется, потом придёт голодная, а он её тряпочкой лапки протрёт...

От жалости к Митеньке, которого ждёт жестокое разочарование, и к себе, которую ждёт не менее жестокая смерть, Кася заскулила.

– А Польша? А котинька? Они так ко мне привязались, что с ними будет? А потом Аня придет, будет их ругать за то, что потеряли такую хорошую сутуленькую собаченьку!

– Митенька, заberi меня отсюда! – снова заскулила Кася. – Я тебя слушаться буду, тапочки тебе приносить. Домой хочу!

Таинственные звуки

Возможно, именно то, что ничего, кроме шума машин, не было слышно, и заставило Дмитрия Олеговича тщательно обшарить местность. Он пошёл вдоль дренажного рва, и каждую минуту звал Касю. И когда дошёл до борщевиков, плотной стеной стоявших у листовенного перелеска, внезапно остановился

– Кася? – крикнул он. – Ты здесь?

Ответом ему был шум автотрассы. Но Дмитрий Олегович готов был поклясться, что слышал какой-то таинственный звук. Только понять не мог, откуда.

Он снова зашёл в лес и позвал Касю. И опять что-то услышал, не то скулёж, не то бормотание, но теперь с другой стороны. Покружив так минут двадцать, Дмитрий Олегович пришёл к выводу, что звук доносится из зарослей борщевика.

Треск и хруст

Лезть в этот костяной лес не хотелось. Во-первых, Дмитрий Олегович не любил борщевик. Когда-то он весьма ощутимо обжёгся его соком, который становится ядовитым, попав под солнечные лучи. Во-вторых, там был не только борщевик, но и кипрей с коробочками пуха, и репейник с цепкими колючками, и это означало, что вылезет Дмитрий Олегович из чащи сухостоя похожим на чудовище Баскервилей. А в-третьих, больше всего на свете Дмитрий Олегович боялся не медведей или зайцев, и даже не цепкого шишабарника, а клещей, которые вгрызаются глубоко под кожу и заражают ужасными болезнями типа энцефалита и боррелиоза.

Однако он не мог уйти, не попробовав найти свою собаку. Натянув на голову капюшон, спрятав руки в рукава, он начал ломать сухие растения, чтобы было видно, что происходит за ними. Треск и хруст стояли невероятные, даже гудение автотрассы на какое-то время затихло.

Земля, на которой росли борщевики, оказалась вся в рытвинах: то канава в человеческий рост, то взгорок с человека же. В канавах валялись сгнившие доски, железяки, битый кирпич. Кажется, когда-то здесь была стройка, а потом люди всё бросили и ушли.

– Кася! – позвал Дмитрий Олегович.

И вдруг совсем рядом послышалось:

– Я здесь! Здесь! Митенька, вытащи меня!

Кася, дай лапу!

Квадратное отверстие в земле Дмитрий Олегович увидел, только выломав почти весь борщевик. И даже удивился, как сам туда не свалился, он ведь на этом пяточке долго топтался.

Заглянув в колодец, Дмитрий Олегович с облегчением выдохнул: Кася стояла там на задних лапах, передними опираясь в стену.

– Цела?

– Цела! – Кася нетерпеливо повильяла хвостом.

– Подожди, сейчас я тебя вытащу.

Дмитрий Олегович присел у края колодца и задумался. Спускаться вниз не хотелось, с физической подготовкой у него было не очень, и вылезать потом будет проблематично, если вообще возможно. Глубокая ямища, для чего её, такую, выкопали, да ещё и кирпичом обложили?

– Кася, ты мне доверяешь? – спросил Дмитрий Олегович.

– Как-то мне этот вопрос не нравится, – севшим от переживаний голосом ответила собака.

– Доверяешь или нет?

- Доверяю, – неуверенно согласилась Кася.
- Тогда дай лапу.
- Что я – маленькая?!
- Давай лапу, говорю!

Согнувшись в три погибели, правой рукой упёршись в край колодца, Дмитрий Олегович протянул Касе левую руку. Кася тоже потянулась навстречу хозяину, тоже вытягивая левую переднюю лапу.

Дмитрий Олегович ухватил Касю за лапу и потащил наверх. Кася взывала от боли, но Дмитрий Олегович не отпускал, хотя ему было и тяжело – тридцать килограмм живого веса! – и жалко собаку.

Через несколько мгновений Кася была наверху.

Два секрета

- Ты мне чуть лапу не оторвал! – обиженно сказала Кася.
- Вернуть тебя обратно и вытащить как следует? – спросил Дмитрий Олегович.
- Нет, – сказала Кася. – Но можно было и аккуратней.

Дмитрий Олегович покачал головой. Угораздило же его взять в приюте охотничью собаку, а не какую-нибудь дворняжку или овчарку. Говорят, те очень любят своих хозяев, и прямо ни на шаг от них не отходят. А Касе, похоже, не так важно, с кем она живёт, лишь бы в лес гулять пускали.

- Ты что, даже спасибо не скажешь? – спросил он.

Кася подняла на Дмитрия Олеговича свои прекрасные миндалевидные глаза с пушистыми рыжими ресничками.

- А без спасибо ты бы меня не спас? – сказала она.
- Конечно, спас бы, что за глупости!
- Так зачем тебе спасибо?

Дмитрий Олегович растерялся. Как ни странно, Кася была права.

- Пойдём домой, – сказал он. – Только никому ни слова, что ты в яму провалилась.
- Как с медвежьим следом?
- Да.

- Значит, у нас с тобой уже два общих секрета? – уточнила Кася.

- Выходит, что так.

- Знаешь, мне кажется, что на этом надо остановиться, – сказала Кася.

– Пожалуй, – согласился Дмитрий Олегович. – Давай-ка осмотрим друг друга, чтобы клещей домой не принести.

Что ему нужно

С себя Дмитрий Олегович снял трёх насекомых, а с Каси – целых шесть. С нескрываемой брезгливостью он выбросил опасных кровососов в колодец, и с чувством выполненного долга повёл Касю домой. По дороге Кася рассказала Дмитрию Олеговичу о злокозненном негодяе, заманившем её в ловушку.

– Я думал, ты мне вчера какие-то поверья собачьи рассказывала, – Дмитрий Олегович наморщил лоб. – Не бывает же таких больших зайцев.

- Вы до недавнего времени думали, что и собаки не разговаривают.

– В этом есть логика, – согласился Дмитрий Олегович. – А зачем этот заяц хотел тебя в яму посадить?

- Не хотел. У него всё получилось.

- Но почему?

- А я знаю? Он мне ничего не сказал. Может, он собак не любит. Ой.

Ой!

Кася остановилась.

– Что такое? – спросил Дмитрий Олегович.

– Аня приехала! – прошептала Кася.

У калитки во двор Кирпичниковых и вправду стояла легковая машина.

– Из приюта? – удивился Дмитрий Олегович. – А что ей... Погоди, а почему шёпотом?

– А ты не понимаешь? А вдруг этот заяц вчера у неё был и тоже миллион предлагал? Она решила забрать меня у вас и ему продать.

– Не может быть!

– Да как не может? Приюту деньги очень нужны, там постоянно всего не хватает, а нужно ещё операции делать, прививки, кормить всех нужно... Стой, ты куда?!

– Мы должны всё выяснить.

– Она меня заберёт!

– А мы не отдадим!

– Стой! Лучше отпусти меня, я тут рядом побегая...

– С ума сошла? Вот тогда тебя точно заберут, и будут правы.

Кася обречённо пошла за Дмитрием Олеговичем, и предчувствия у неё были самые дурные.

Беспокойство

Они даже домой зайти не успели, как им навстречу выбежала Аня. Она сразу же напала на Касю и начала её тискать, лохматить, целовать и гладить, будто не видела минимум сто лет.

– Что-то случилось? – спросил Дмитрий Олегович у жены, которая тоже вышла во двор.

– Вы меня извините за беспокойство, – Аня оторвалась от ошарашенной таким напором собаки. – У нас такая история странная произошла...

Странная история

Вчера утром к Ане в приют пришёл какой-то мутный тип в плаще и вязаной шапке. Заикаясь, он спрашивал о Дамке. Аня сказала, что собаку отдали. Мутный тип не унимался и начал выяснять, кому именно отдали собаку. Это Аню насторожило, и она сказала, что такие сведения посторонним не сообщаются. Тогда мутный тип достал из кармана полмиллиона рублей и предложил заплатить за сведения.

– А м-можете н-не с-сообщать, – сказал он. – В-вот в-вам е-ещё, п-пусть с-собаку в-вернут...

И вытащил ещё пачку денег. Аня, конечно, сразу его выпроводила, а потом позвонила Дмитрию Олеговичу, узнать, как дела.

– А потом всю ночь не спала, думала: что за тип такой, что так деньгами кидается? Не выдержала, прямо с утра поехала. У вас всё в порядке?

Дмитрий Олегович посмотрел на супругу, и та глазами дала понять, что ни о чём не рассказала.

– Всё хорошо! – соврал он, не моргнув глазом. – Спасибо, что сообщили. Будем держать ухо востро. Чаю?

Например?..

У Ани было много дел в приюте, поэтому чаёвничать она не стала. Потрепав Касю по загривку, она села в машину и уехала.

Кирпичниковы подождали, пока машина скроется из виду, и лишь после этого заговорили.

– Польша в школе? – спросил Дмитрий Олегович.

– Слава богу, ушла раньше, чем Аня приехала, – ответила Ирина Валерьевна. – Но у меня появились вопросы. Кася, ты знаешь, кто этот тип с миллионом?

– Зай... – открыла рот Кася, и тут её взгляд встретился со взглядом Дмитрия Олеговича, выразившим отчаяние и предчувствие краха. Быстро сообразив, что чуть не проговорилась, собака перевела взгляд на хозяйку и с достоинством закончила: – ...мёмся чем-нибудь приятным?

– Например? – с подозрением спросила Ирина Валерьевна.

– Например, поедим.

С этими словами Кася потрусилась к дому и потянула за собой Дмитрия Олеговича. Он скроил недоумевающую физиономию и проследовал за ней следом, в глубине души с облегчением выдыхая. Ирина Валерьевна хмыкнула и тоже пошла домой. Не стоять же на улице, когда можно заняться чем-то приятным.

Приключения продолжают

К величайшему облегчению Дмитрия Олеговича, следующие два часа прошли относительно спокойно: никто не мешал Кирпичниковым спокойно завтракать, и даже Кася свою порцию ела не торопясь, а наслаждаясь каждым кусочком.

На какой-то момент Дмитрию Олеговичу показалось, что все волнения остались позади, и теперь можно безмятежно наслаждаться размеренной сельской жизнью. Горизонт был чист, небо – безоблачно, манная каша – без комочков.

Однако, будто в насмешку, приключения продолжились. Ирина Валерьевна решила подцепить из банки солёный огурчик, взяла вилку, но не удержала, и столовый прибор упал на пол.

И только Дмитрий Олегович открыл рот, чтобы попросить супругу постучать вилкой по полу, дабы не пришла «зубастая баба», оказалось, что стучать поздно. Во двор вошла преклонных лет женщина в сопровождении восточно-европейского овчара и молодого полицейского.

Выйти и зайти как следует

Дмитрий Олегович сразу понял, кто это такая, и выскочил на террасу в одних бриджах, без майки и тапочек.

– Здравствуйте, – сказал он. – Вы кого-то ищете?

Женщина неодобрительно осмотрела полуголого Дмитрия Олеговича и с явным неудовольствием сказала полицейскому:

– Вот, видите, у кого моя Мадам сейчас живёт!

Молодой полицейский, пропустив мимо ушей реплику женщины, козырнул и представился:

– Участковый уполномоченный лейтенант Телегин, – в подтверждение своих слов он продемонстрировал служебное удостоверение, и оно подтверждало слова участкового. – Вы не могли бы что-нибудь накинуть на себя, а то гражданочка стесняется.

Дмитрий Олегович сказал «минуточку» и вернулся в дом. Ирина Валерьевна, работавшая за компьютером в наушниках, на эволюции супруга внимания не обращала – у неё горел заказ. Так что, не беспокоя котиньку, Дмитрий Олегович быстро переоделся и ровно через минуту вышел к гостям если не при параде, то во вполне удовлетворительном внешнем виде.

Спокойно, гражданка!

Участковый уполномоченный лейтенант Телегин коротко и по делу изложил цель визита:

– Гражданка Сокольничая утверждает, что вы похитили и незаконно удерживаете у себя её собаку по кличке Мадам.

– О как! – воскликнул Дмитрий Олегович. К такой постановке вопроса он готов не был. Но, быстро взяв себя в руки, ответил: – Я не согласен с предъявленным мне гражданкой Сокольничей обвинением.

Гражданка Сокольничая тут же начала трясти участкового за рукав:

– А я говорила! Говорила же! Ни за что не признается. В тюрьму его надо! Времени ещё даже двенадцати нет, а он дома в труселях ходит, не работает! Бандит, не иначе!

– Спокойно, гражданка, – мягко, но безапелляционно сказал участковый, а затем, обернувшись к Дмитрию Олеговичу, спросил: – Извините, как к вам обращаться?

– Дмитрий Олегович Кирпичников.

– Давно здесь проживаете?

– Два месяца.

– Прописка имеется?

– Да.

– В чьей собственности жилище?

– А это зачем? – удивился Дмитрий Олегович.

– Ну, я тут представитель закона, хочу о гражданах, живущих на вверенной мне территории, больше знать, чтобы для выяснения пустяковых вопросов не бегать потом и вас не беспокоить. Но вы, разумеется, имеете полное право не отвечать на поставленный вопрос.

Участковый уполномоченный лейтенант Телегин с каждой минутой нравился Дмитрию Олеговичу всё больше. Полицейских Дмитрий Олегович, в отличие от медведей, зайцев и клещей, не боялся. И потому ответил:

– Жильё в совместной собственности – моей супруги, меня и несовершеннолетней дочери.

– Хорошо. Я правильно понимаю, что кражу собаки вы не признаёте?

– Совершенно верно.

Права на вожделение собаки

– А я говорила! – вновь вмешалась гражданка Сокольничая.

– Товарищ лейтенант, – на старомодный манер обратился к полицейскому Дмитрий Олегович, – а почему гражданка Сокольничая решила, что я похитил и незаконно удерживаю её собаку? Я эту гражданку впервые вижу.

– Хороший вопрос. Гражданка Сокольничая, почему вы обвиняете гражданина Кирпичникова в краже собаки?

– Да потому что вон она, мерзавка, я её в окошко вижу! – и гражданка Сокольничая ткнула пальцем в окно, из которого выглядывала Кася.

Участковый вопросительно посмотрел на Дмитрия Олеговича, и он спокойно ответил:

– Это наша собака, её зовут Кася.

– Врёт он всё! Мадам это! У него и прав на вожделение, наверное, нет.

– Чего? – хором спросили участковый уполномоченный и гражданин Кирпичников.

– Права на вожделение собаки! – гордая своей юридической подкованностью, повторила гражданка Сокольничая.

Участковый откашлялся и осторожно спросил:

– А у вас такие права на вышеупомянутую собаку имеются?
– Да! – победно произнесла гражданка Сокольничая, вытаскивая из кармана стёганого халата сложенный вдвое тетрадный лист в линейку и протянула лейтенанту Телегину.

Печать, подпись, наименование органа

Удивлённый лейтенант машинально взял в руки «права» и прочитал вслух:

– Права на вожделение собаки по кличке Мадам выданы Сокольничей Василине Аркадьевне... хм...

Гражданка Сокольничая ликовала, глядя на озадаченные лица Дмитрия Олеговича и лейтенанта Телегина. Восточно-европейский овчар, смиренно сидевший рядом, тоже всем своим видом выражал недоумение.

– Хм, – повторил участковый, вдоль и поперёк изучив «права» гражданки Сокольничей, – а где ваши права на этого пса?

Все посмотрели на овчара. Овчар вжал голову в плечи и отвёл глаза в сторону.

– Так я это... дома их забыла. Сейчас схожу, – засуетилась гражданка Сокольничая.

– Пойдите, гражданочка! – остановил её участковый. – А где фото собаки? Где печать, подпись, наименование органа, где выдан документ? Подделка прав, между прочим, карается законом!

– А? Что? Нет печати? Ах, жулики! Ничего, я сейчас разберусь, я мигом...

Эксперимент

– Отставить разбирательство, – спокойно сказал участковый. – Не будем устраивать бюрократической волокиты, а проведём следственный эксперимент. Итак, вы утверждаете, Василина Аркадьевна, что собака ваша и зовут её Мадам, так?

– Так.

– В таком случае, если вы её позовёте, она немедленно прибежит к вам?

– А то как же! Моя же собака... – неуверенно сказала Василина Аркадьевна.

– Дмитрий Олегович, вы не против?

– Как я могу? – Дмитрий Олегович открыл дверь и выпустил Касю на террасу.

Овчар, смиренно сидевший у ноги хозяйки, заинтересованно начал мести хвостом по земле, но продолжал сидеть как приклеенный.

– Мадам! Мадам! Ко мне! – потребовала гражданка Сокольничая. – Быстро, скотина такая!

Кася посмотрела на Дмитрия Олеговича, широко зевнула, и улеглась на тёплые доски террасы.

– Он её незаметно держит! – пожаловалась Василина Аркадьевна лейтенанту.

– Дмитрий Олегович, будьте добры ради чистоты эксперимента подойти к нам и оставить собаку одну.

Дмитрий Олегович спустился с террасы во двор и встал рядом с полицейским. Василина Аркадьевна повторила попытку, но «Мадам» никак не реагировала на призывы, посулы и угрозы. Тогда участковый предложил гражданину Кирпичникову самому позвать собаку.

– Кася, будь добра, подойди к нам и дай лапу товарищу лейтенанту, – попросил Дмитрий Олегович.

Кася изящно встала, утончённо встряхнулась, грациозно спустилась по лесенке, кокетливо подбежала к участковому и элегантно протянула ему левую переднюю лапку.

Как не стыдно?

Даже дрессированный овчар, глядя на это, почти застонал, а лейтенант Телегин был сражён наповал. Он бережно пожал лапу Касе, потом выпрямился и строго посмотрел на Василину Аркадьевну:

– Как не стыдно?! Взрослый человек, а такое себе позволяете...

– Это трюк! – закричала Василина Аркадьевна. – Дешёвый фокус! Я тоже так могу! Они сговорились! Она мою картошку погрызла в прошлом годе! Кто платить будет?!

– Товарищ лейтенант, я могу дать координаты приюта для бездомных животных, откуда мы Касю забрали. Там подтвердят, – сказал Дмитрий Олегович.

– Не стоит утруждать людей, мы сами всё сейчас увидели. Извините за беспокойство. Вот вам моя визитка, если что – обращайтесь.

Участковый снова козырнул и отправился восвояси, сопровождаемый гражданкой Сокольничей, продолжавшей размахивать руками и кричать: «это фокус!», «не имеете права!» и «я буду жаловаться!». Несчастный овчар шёл следом, жалобно оглядываясь на Касю – мол, я здесь ни при чём.

– Подкаблучник, – презрительно хмыкнула Кася и потрусилась домой.

Польша не узнаёт Касю

Польше, когда она вернулась, было строго-настрого запрещено ходить с Касей мимо дома гражданки Сокольничей. Впрочем, могли и не предупредить, Полине и самой хватило вчерашней беседы, чтобы не желать новой встречи.

– А в лес? – спросила она.

– Нет, – хором сказали родители и Кася.

– Что я – маленькая? – обиделась Полина.

Кася от возмущения даже взгавкнула – ведь это её коронная фраза.

– Маленькая, – назидательно сказал Дмитрий Олегович. – В лесу дикие звери: лисы, кабаны, медведи...

– Скажи ещё – зайцы, – съехидничала Полина.

Дмитрий Олегович с Касей переглянулись.

– И зайцы тоже.

– А где же нам гулять?

– А я не хочу гулять, – сказала Кася.

– Не хочешь? – округлила глаза Польша. – Ты не заболела? Я тебя не узнаю. Посмотри, какая погода хорошая!

– Именно поэтому и нельзя. Солнце, жара, а в вашей деревне даже ручейка нет, попить негде, – сказала Кася. – Мучение одно, а не прогулка. Я лучше в тенёчке покемарю.

– Ну и хорошо, а то я на велосипеде покататься хотела, – вроде даже с облегчением сказала Полина.

По своему обыкновению она быстро переделалась, съела пару бутербродов, выпила чаю и убежала на улицу.

Кася поддерживает беседу

Тут же выяснилось, что и Дмитрию Олеговичу нужно сходить в магазин. Он попросил жену составить список покупок, которые ей нужны, а сам начал собираться: выставил на улицу мусор, оделся поцивильнее, для города, и накинул на плечи вместительный рюкзак на металлическом каркасе.

Получив список, он поцеловал котиньку и отбыл. Котинька проводила мужа и вновь углубилась в работу. Кася какое-то время наблюдала за тем, что делает Ирина Валерьевна, ничего не поняла и спросила:

– А что ты делаешь?

- Работаю.
- Работают – это когда молотком колотят, или лопатой машут, а ты просто сидишь.
- Очень интересный взгляд. Хочешь обсудить?

Что-то в голосе хозяйки подсказало Касе, что она недостаточно компетентна для обсуждения. Хозяйка явно была главнее Каси, но Кася не понимала, почему. Может, потому что у неё такая розовая шубка с глазами на затылке?

- А что это у тебя за шубка? – спросила Кася.
- Это не шубка, это пижама кигуруми.
- А мне можно такую?

Ирина Валерьевна развернулась:

- Ты хочешь кигуруми?

Кася испугалась, что влезла на чужую территорию. Она поспешно отвела глаза и сказала:

- Нет. Просто так. Беседу поддерживаю.

Хорошая идея

Ирина Валерьевна смягчилась.

– Кася, у меня сейчас дедлайн, сроки горят. Давай мы чуть позже поболтаем, вечером? Ты вроде в тенёк просилась.

- Было бы неплохо, – Кася встала с лежанки.
- Погоди, поводок на тебя нацеплю.
- Зачем поводок? Что я – маленькая?

Ирина Валерьевна выразительно посмотрела на собаку, и Кася сразу же согласилась. «На поводке как-то спокойнее, – подумала она. – С поводком сразу видно, что я не какая-нибудь сутулая псина, а вполне себе ещё...»

Котинька вывела Касю на улицу и привязала к берёзе. Кася побродила немного среди травы и деревьев, потом прилегла рядом с крыльцом и поняла, что это была хорошая идея.

«Всегда тут спать буду», – решила Кася и заснула.

Алё, это наша собака!

Чтобы попасть в магазин, в который пошёл Дмитрий Олегович, нужно было пройти через небольшой перелесок, увешанный птичьими кормушками и огромными плюшевыми зверями. Выглядело это немного жутковато, особенно в тёмное время суток, но днём ничего, можно не бояться. За перелеском сразу открывался вид на город: вышки сотовой связи, новые многоэтажные дома, широкий проспект и упирающийся прямо в этот проспект частный сектор с домиками разной высоты и ухоженности.

Дмитрий Олегович уже прошёл весь этот путь, набил рюкзак продуктами, товарами первой необходимости, и теперь возвращался обратно. На обратном пути он, как уже повелось у него с Полиной, насыпал в кормушки семечек и пошёл дальше. Из-за тяжёлого рюкзака он почти не смотрел вперёд и видел только малую часть дороги прямо перед собой. Поэтому он не сразу понял, что мимо него прошла Кася. А когда до него дошло, что эти белые ноги с рыжими пятнами ему знакомы, Кася уже осталась за спиной.

- Эй, Кася, ты куда? – спросил он, тяжело разворачиваясь под грузом покупок.

Выпрямившись, он увидел, что Кася идёт по улице вовсе не своей волей, а на поводке, с мордой, перевязанной какой-то тряпкой. Тащили её двое: какой-то мелкий неопрятный мужичонка в одежде, которая была ему явно велика, и очень мощная женщина, тоже неопрятная, но её вещи ей были явно малы. Кася обречённо тащилась за ними, то и дело оглядываясь назад: заметил ли её хозяин? Хозяин заметил.

- Алё! – закричал Дмитрий Олегович. – Это наша собака!

Погоня

И началась погоня. Дмитрию Олеговичу мешал бежать рюкзак, воров, укравшим Касю, мешала бежать собака. И все при этом кричали.

– Жульё, верните собаку! – орал Дмитрий Олегович.

– Тихон, быстрее, быстрее! – орала неопрятная женщина.

Тихон же просто бежал с открытым ртом и из него вырывалось хриплое «АААААА!». Молчала лишь Кася, которая просто ехала по пыльной дороге, ведущей из деревни в город.

Дистанция между похитителями и хозяином неуклонно сокращалась, ещё немного – и Дмитрий Олегович почти мог дотянуться до скулящей от страха и боли Каси. Поняв, что они попались, Тихон захлопнул рот и бросился в драку. Сделал он это зря, потому что Дмитрий Олегович, хоть и не был спортивным, зато значительно превосходил жулика ростом и шириной плеч. Он оттолкнул Тихона в сторону и слегка поднажал. Кася, увидев победу, вскочила на лапы и потянулась к хозяину.

– Маха, я ранен! – крикнул Тихон своей боевой подруге.

Маха оглянулась – и встала как вкопанная.

– Это наша соба... – крикнул, задыхаясь, Дмитрий Олегович, неудержимой лавиной надвигаясь на Маху.

Последнее, что он увидел – это мощный кулак женщины перед глазами. Потом кто-то выключил солнце и всю окружающую среду.

Как так вышло

Кася услышала их слишком поздно. Она смотрела интересный сон с белкой, и вдруг услышала:

– Вот она.

Сказала это большая женщина, от которой пахло пивом и табаком. Рядом с ней стоял маленький мужчина, от которого пахло водкой, запах которой перебивал все прочие запахи.

Во двор они пробрались с обратной стороны дома, судя по примятой траве – проползли под сеткой забора. Спросонья Кася даже не гавкнула. Женщина схватила её за бока, а мужчина сноровисто перевязал морду вонючей тряпкой, чтобы Кася не могла ни гавкать, ни кусаться.

Конечно, она скулила, и царапалась, и вырывалась. Но женщина больно стукнула её по спине и сказала:

– Заткнись, не то прибью!

Воры протащили Касю под забором, закоулками вывели на пустую от жары центральную улицу, и началось одно из самых страшных приключений в её жизни.

Куда бежать? Что делать?

Очнулся Дмитрий Олегович от того, что кто-то лил ему на голову воду. Он открыл глаза и увидел взволнованное лицо супруги.

– Митя! Митенька! Касю украли!

Ирина Валерьевна стояла над ним в своей пижаме-кигуруми и домашних тапочках. Она отвлеклась на минутку от работы, вышла на крыльцо, чтобы проверить Касю, и увидела, что её нет. В панике она оббежала весь двор, собаки не нашла, побежала искать её – а нашла поверженного мужа с синяком на пол-лица.

– Я знаю, – с трудом ответил Дмитрий Олегович. – Я их видел. Догнать хотел. Они... туда...

Он показал рукой, куда скрылись похитители.

– Что делать, Митенька? Куда бежать? Касенька, это я виновата! – Ирина Валерьевна заплакала.

Дмитрий Олегович с кряхтением поднялся и обнял жену:

– Никто ни в чём не виноват. Скорее домой, я знаю, кто нам поможет.

Совпадений не бывает

Дома Дмитрий Олегович отыскал визитку участкового уполномоченного лейтенанта Телегина и в двух словах пересказал события последнего часа. Лейтенант всё записал и спросил:

– Подозреваете кого-нибудь?

– Я не подозреваю, я видел преступников и могу опознать!

– Вы, Дмитрий Олегович, за этим шокирующим событием не видите общей картины, – успокаивающим тоном сказал участковый. – Подумайте: сегодня же у вас уже пытались обманным путём забрать собаку. Таких совпадений не бывает.

Дмитрий Олегович понял.

– Это же!..

– Вот именно. Очевидно, гражданка Сокольничая не успокоилась, и решила завладеть вашим питомцем, наняв бездомных. Подождите минут двадцать, я заеду за вами, и мы распутаем это дело по горячим следам.

Поездка

Ровно через двадцать минут у дома Кирпичниковых остановился узик-буханка с надписью «Полиция» по бортам. Дмитрий Олегович сел в кабину, и лейтенант Телегин тут же утопил педаль акселератора.

– Куда мы едем?

– К Тихону в гости. Я этого субчика давно знаю, он в заброшенных садах обитает. Там мы его и возьмём тёпленького.

Машина проехала обычным путём, по которому последние три дня Дмитрий Олегович и Кася ходили гулять. Перед выездом на трассу участковый включил сирену и мигалку.

– А то проехать не дадут, – пояснил он удивлённому спутнику.

Узик выскочил на трассу, проехал по ней метров десять и свернул на грунтовую лесную дорогу. Подпрыгивая на ухабах, автомобиль летел через лес. На такой скорости деревья сливались в одну сплошную зелёную полосу.

Вскоре они выехали на открытое место, уже знакомое Дмитрию Олеговичу – здесь пролегал высоковольтная линия электропередач.

– Между прочим, – сказал лейтенант, – здесь недавно медведь проходил. Он в детский лагерь гужеваться ходит как на работу.

– Я знаю, – ответил Дмитрий Олегович.

– Откуда?

«Кася рассказывала», – хотел сказать Дмитрий Олегович, но вовремя осёкся.

– На прогулке человек какой-то рассказал, – соврал он, и покраснел.

– О, вот мы и приехали! – лейтенант Телегин остановил машину и заглушил двигатель. – Полюбуйтесь, как живёт деклассированный элемент.

Страж

Дмитрий Олегович увидел маленький домик, чуть выше человеческого роста, спрятавшийся внутри металлической опоры линии электропередач. Если не приглядываться, то жилище Тихона казалось заросшей кучей мусора.

– Целый небоскрёб, – покачал Дмитрий Олегович головой.

– Эй, Тихон, – крикнул участковый. – Выходи!

Вместо Тихона ответила собака, судя по голосу – не меньше волкодава. Сыщики переглянулись. «Ваша?» – спросил взглядом лейтенант Телегин. «Нет, не моя, моя меньше», – замахал руками Дмитрий Олегович.

– Тихон, без глупостей! Держи собаку! – участковый вытащил из кобуры пистолет.

Послышался треск и шуршание, сопровождаемые глухим рыком, и откуда-то из-за домика выполз гигантский, перемазанный грязью, сенбернар. Именно выполз, опираясь только на передние лапы. Задние волоклись за ним, будто пришитые.

– Это... что такое? – спросил Дмитрий Олегович.

– Впервые вижу, – ответил не менее ошеломлённый лейтенант. – Год назад его здесь не было.

Не надо торопиться с выводами

Судя по всему, у собаки был сломан позвоночник. Передвижение на брюхе такому большому псу давалось явно с большим трудом, на морде сенбернара было написано, как ему больно.

– Он что – живодёр, этот ваш Тихон? – чуть не плача спросил Дмитрий Олегович.

– Почему? – спросил лейтенант, внимательно осматривая домик снаружи.

– Вы разве не видите, что он с собакой сделал!

Сенбернар яростно залаял на Дмитрия Олеговича.

– Не надо торопиться с выводами, – участковый обошёл домик и сказал: – Вот, полюбуйтесь.

Дмитрий Олегович тоже обошёл домик и увидел собачью будку. Возле будки была установлена поилка с чистой водой, повсюду валялись кости.

– Обратите внимание, Дмитрий Олегович, насколько тщательно сделана будка. Наверняка там тепло зимой и сухо во время дождя. А говяжьи и свиные кости говорят о том, что собака неплохо питается. Да это и по ней видно – видите, какой кабан?

Сенбернар, приползший обратно, вновь гавкнул, но уже спокойно, просто сообщая, что он здесь и мимо никто не проскочит.

– Тихон явно любит собак, – заключил участковый. – Именно поэтому нам нужно понять, что именно посулила ему гражданка Сокольничая.

– Может, нам у неё спросить? – предложил Дмитрий Олегович.

Участковый не может понять

Лейтенант Телегин задумчиво почесал переносицу.

– Гражданка Сокольничая, как вы, наверное, заметили, не слишком умна, но весьма упряма. Разумные доводы вряд ли заставят её признать вину.

– Но Тихона здесь нет. Может, она проговорится? Вы же сами говорите, что она не слишком умная.

Участковый вздохнул и жестом пригласил Дмитрия Олеговича обратно в машину.

Пока они возвращались, лицо лейтенанта Телегина то хмурилось, то светлело, шевелились губы, гуляли по высокому умному лбу светлые, почти белые брови.

– Одного не могу понять: зачем этой бабуле ваша собака? Ну, не похожа она на злодейку, которой просто приятно соседей изводить. Она жадная, а не сумасшедшая. Какая ей корысть от вашей собаки? Вы от меня ничего не скрываете, Дмитрий Олегович?

Дмитрий Олегович напряжённо молчал.

– Значит, скрываете, – понял лейтенант. – Это что-то противозаконное? Только учтите, я пойму, если вы говорите неправду. Вы меня уже обманули, сказав, что узнали про медведя от случайного прохожего.

– Почему вы так думаете? – испугался Дмитрий Олегович.

– Вы сказали «я знаю», будучи эмоционально вовлечённым, значит – вам об этом сказал кто-то близкий. Так что вы скрываете?

– Моя собака стоит миллион, – сказал Дмитрий Олегович ту единственную правду, которую мог сказать.

– Сколько?! – не поверил лейтенант. – Обычная гончая собака?!

– Видимо, не очень обычная.

– Да я видел её, самая обычная выжловка. Миллион, с ума сойти. Она у вас что – говорящая?!

Дмитрий Олегович нервно хихикнул.

В плену

В это время Кася томилась в неволе, и поэтому невольно подслушивала разговор своих похитителей.

– И долго мы здесь ждать будем? – спросил Тихон у Махи.

– Мама сказала, что после двенадцати. Участковый докапистый, вопросы задавать будет.

– Зачем она вообще с ним связывалась, – с досадой сказал Тихон. – И зачем ей эта собака сутулая? Она же старая!

У Каси глаза на лоб полезли: откуда этот мелкий ханурик знает собачье ругательство?

Её притащили к тому самому домику, где она в прошлом году сидела на цепи в компании Иннокентия. Правда, на этот раз оставили не снаружи, а заперли внутри, в старом шкафу.

– Мама мне не говорила. Я глупая, – призналась Маха.

– Тоже мне, открытие, – проворчал Тихон. – Именно поэтому ты такая красивая и счастливая.

Маха рассмеялась глупым смехом, и Тихон с ней. Кася выглянула в щёлку и увидела, что Тихон с Махой курят и играют в карты. Возможно, постороннему наблюдателю могло показаться, что Тихон насмехается над своей огромной подружкой, но Кася даже несмотря на вонючую тряпку на носу чувяла, что ханурик просто души не чает в этой горе. Так же Митенька с котинькой пахли. На свежий хлеб похоже.

Кася вздохнула. Жив ли сейчас Митенька?

Что-то не так

Уазик участкового остановился у дома гражданки Сокольничей. Мужчины вышли из машины и подошли к забору, заваленному снаружи дровами. Калитка была открыта. Лейтенант Телегин прислушался.

– Странно, – сказал он.

– Что? – спросил Дмитрий Олегович.

– Если дома никого нет, калитку подпирает полено. Если полена нет, значит, во дворе должен бегать Иннокентий с поленом в зубах. Но во дворе тихо, а то бы цепь звенела. Заходим.

Дом Василины Аркадьевны был кирпичный, мощный, но какой-то подслеповатый из-за маленьких окон. Собачьей конуры не было, цепь была прикручена прямо к крыльцу. Старое одеяло, на котором спал Иннокентий, валялось у двери. На двери дужкой вниз висел замок.

– Что скажете, Холмс? – позволил себе пошутить Дмитрий Олегович.
– Похоже, Иннокентия увели. Но ушёл он не по своей воле: видите, бельё на траве валяется? Кто-то сбросил бельё, отрезал верёвку и на верёвке увёл пса.

– Такого здоровенного?

– Видимо, был рычаг давления. И, кстати, замок не заперт. Злоумышленник не знал, где хранится ключ, поэтому перевернул замок, чтобы создать иллюзию, что хозяйки нет дома.

– А она дома?!

– Полагаю, да. И надеюсь, что с ней всё в порядке.

Участковый достал из кармана носовой платок, аккуратно взял замок с краю и потянул вверх. Дужка замка отворилась. Лейтенант Телегин бережно вынул замок – теперь уже вещественное доказательство – из проушин и завернул в платок.

– Мне бы ещё одного понятого, а то я тут нарушаю протокол, – посетовал участковый. – Но будем надеяться, что хозяйка жива-здоровая, тогда мы просто ей помогаем.

Они вошли в дом. Внутри было темно и душно, вдоль стен стояли какие-то коробки, тюки и свёртки, стопки газет и журналов до самого потолка.

– Василина Аркадьевна, это Телегин пришёл. Подайте знак, где вас заперли?

Сдавленное мычание услышал Дмитрий Олегович.

– Она здесь! – крикнул он.

Мужчины ворвались в маленькую комнатку, тоже сплошь заваленную хламом.

– Не видно ни черта. Дмитрий Олегович, зажгите свет.

Когда зажглась тусклая, ватт на сорок, лампа, стало понятно, что попали они в спальню. Там, прямо на кровати, спелёнатая пододеяльником, словно египетская мумия, лежала гражданка Сокольничая. Кто-то злой засунул ей в рот теннисный мячик и обмотал полотенцем.

Когда Дмитрий Олегович развязал несчастную жертву, дом огласился неистовой бранью:

– Вы зачем электричество жжёте, ироды!

– Отставить истерику, гражданка! – громко, но без крика, сказал участковый. – Кто это с вами сделал?

Гражданка послушно успокоилась и сказала:

– Я не знаю. Он не представился.

Заика

Вчера, едва противная девчонка и Мадамой убежали, к Василине Аркадьевне прибежал на выручку Иннокентий. Он помог ей подняться, сочувственно выслушал жалобы хозяйки на хамство молодёжи и чёрную неблагодарность собак и проводил до калитки.

И вдруг как из-под земли появился этот дылда в плаще и вязаной шапке и предложил миллион.

– Приметы? – спросил участковый.

– Заикастый он, – сказала гражданка Сокольничая.

Заика показал деньги. Самые настоящие, она даже пересчитала. Сказал: «о-отдайте м-мне с-собаку, и т-тогда д-деньги в-ваши». Сначала, конечно, Василина Аркадьевна хотела миром – предложила ему Иннокентия. Но Иннокентий, «такой умный, всё делает, только не говорит», заика не устраивал. Подавай ему эту самую Мадам, немедленно. А как немедленно? Приступом?

Вот Василина Аркадьевна и решила утром наудачу использовать молодого участкового. Умного же на такую должность не поставят. А на крайний случай велела своей глупой дочке позвать своего непутёвого ухажёра Тишку. Что уж он в Машке нашёл

– не понять: ни кожи ни рожи, но жениться хочет. Василина Аркадьевна обещала, что разрешит жениться, но Тишка сначала должен скрасть собаку, если добром эту Мадам не отдадут.

– Я бы, конечно, всё равно бы потом не разрешила. Но хоть какую-то пользу он должен приносить?

Но всё пошло не так

С участковым не получилось, умничать любит. Кто ж знал, что он ещё права на Иннокентия спрашивать будет? Пришлось ждать, когда вечером на прогулке Тишка тайком огреет этого Кирпичникова палкой по голове, сведёт собаку на садовый участок Василины Аркадьевны, и там заика получит свою Мадам, а гражданка Сокольничая – денежки.

– Но вместо этого ваша дочь и Тихон украли собаку прямо из дома, – понял лейтенант Телегин.

Дочка позвонила за несколько часов до назначенного срока: мол, мы всё сделали, но пришлось отбиваться от хозяина. Дура, ничего доверить нельзя. Пришлось сидеть и ждать участкового, наверняка же ему сообщат. Можно было бы всё на Тишку свалить.

Но раньше участкового – задолго до условленного времени – пришёл заика и спросил, где собака.

– А я ему – где деньги? А он мне: с-сначала с-собака. А я ему: с-сначала м-миллион.

Но вместо миллиона этот злодей связал её, засунул в рот кляп – и ушёл. Дурак придурочный, он же не знает, где мой участок!

Дьявольская старуха

– Давно это случилось? – невозмутимо спросил участковый.

– Часов в пять, наверное.

– Где ваш участок?

– Ага, нашёл дуру. Чтобы ты мой миллион забрал?

– Где? Ваш? Участок? – повторил участковый.

Но гражданка Сокольничая и вправду была слишком упрямой. Она вновь заблуждала, что все сговорились, чтобы её обокрасть, что она найдёт управу, и многое другое в этом духе.

Дмитрий Олегович тронул лейтенанта за плечо и кивнул на выход. Тот поднял руку вверх: минуту терпения.

– Василина Аркадьевна, – сказал он, – я, к сожалению, ничего не могу вам предъявить, но со всей ответственностью заявляю: вы крайне неприятная женщина, и я очень жалею, что приехал к вам сегодня, а не завтра. Счастливо оставаться.

После этого мужчины покинули дом. На крыльце участковый глубоко вздохнул:

– Вот какие бывают дьявольские старухи, воспитанные прежним режимом! Да... так мы и не узнали, где её участок.

В это время хлопнула калитка и во двор ввалился восточно-европейский овчар с бельевой верёвкой на шее.

– Мне кажется, – задумчиво сказал Дмитрий Олегович, – мне кажется, Иннокентий нам поможет.

Эх, ты!

– Почему вы так думаете? – спросил лейтенант Телегин.

Дмитрий Олегович ответил не сразу, он снимал верёвку с Иннокентия и что-то ему шептал. Когда узел ослаб и петля соскользнула с его шеи, Иннокентий встряхнулся и осмотрелся.

– Хозяйка дома. С ней всё в порядке, – сказал Дмитрий Олегович. – Поможешь нам?

Иннокентий демонстративно взошёл на крыльцо и развалился на подстилке. Более однозначного ответа и ожидать было нельзя.

– Видимо, я ошибся, – вздохнул Дмитрий Олегович. – Эх, ты!

Весьма некстати зазвонил телефон. Польша!

– Да, Полина, – начал он как можно беззаботней.

– Папа, быстрее сюда! – зашипело в трубке. – Тут сейчас драка будет.

– Польша! – вскочил Дмитрий Олегович. – Какая драка? Ты где?

– Слушай внимательно, не перебивай...

Через полминуты Дмитрий Олегович и лейтенант Телегин бежали к машине. Кажется, Полина сделала то, чего не смогли сделать они.

Вслед за ними на крыльцо вышла гражданка Сокольничая, посмотрела на Иннокентия и тоже сказала:

– Эх, ты!

Садовое товарищество

Вчерашнего незнакомца Польша увидела случайно. Она возвращалась домой и собиралась послушно объехать дом Василины Аркадьевны, как вдруг увидела издали, как из её калитки вышел вчерашний незнакомец в шапке. И ладно бы он вышел один! Нет – он вывел с собой на верёвке Иннокентия, и тот, поникнув головой, куда-то повёл незнакомца. Полина не могла не поехать за ними следом.

Шли эти двое довольно долго: сначала по дороге, потом по тропинке через лесопарковую зону, потом по обочине трассы, и, наконец, дошли до садово-огороднического товарищества номер семь, третьи ворота, рядом с автобусной остановкой.

Сразу за воротами Иннокентий свернул налево, довёл незнакомца до улицы Черничной и по ней до участка двенадцать, домик с зелёной крышей.

– Она всё так подробно описала? – удивился участковый.

– У неё мама гейм-дизайнером работает, игровые карты создаёт.

– Интересная у вас жизнь, наверное, – восхитился лейтенант Телегин.

Дмитрий Олегович тяжело вздохнул. Ему очень хотелось поскучать. Три дня подряд сплошные волнения. Может, и вправду стоило миллион забрать вчера?

– Это ваша дочь? – спросил участковый, тормозя.

– Моя, – сказал Дмитрий Олегович.

Полина стояла на обочине и махала руками.

Визит зайца

Когда Тихон проиграл Махе, наверное, в сотый раз, в дверь домика постучали.

– Мама! – обрадовалась Маха.

– Рановато для мамы, – усомнился Тихон, но Маха уже открыла дверь.

И сразу захлопнула, и закрыла задвижку.

В дверь постучали снова.

– Вы не мама! – громко ответила Маха.

– З-знаю. С-собака с-с в-вами?

– Отдам только маме! – сказала Маха.

Дверь дрогнула. Домик тоже. И даже Кася проснулась в шкафу.

– С-собаку о-отдайте! – сказал грозный визитёр.

«Заяц припёрся», – поняла Кася.

Пока она спала, повязка на морде от слюней слегка ослабла. Энергично работая передними лапами, Кася стащила тряпку и с удовольствием высунула язык наружу. Сразу стало немного прохладнее.

– Эй, – крикнула она. – Откройте меня!

Визит белочки

– Тихо! – крикнул Тихон.

Затихли все: и Маха, и наглый визитёр снаружи, и даже Кася. Так они прислушивались неясно к чему секунд десять, после чего визитёр продолжил выламывать дверь.

– Откройте! – снова крикнула Кася. – Я пить хочу! И на улицу!

Тихон подбежал к шкафу.

– Тихон, открывай, я знаю, что ты там! Открывай по-хорошему, а то вас заяц съест.

– Маха, ты слышишь? – жалобно спросил Тихон. – Собака разговаривает. Говорит, нас заяц съест.

– Тихон, помоги, я одна дверь не удержу! – пропыхтела Маха.

Тихон выглянул наружу через маленькое окошко, чтобы понять, от кого обороняется Маха, и тут же отпрянул.

– Всё, капец. Белочка, – сказал он себе под нос и заплакал.

– Какая белочка! – заорала Кася, царапая шкаф изнутри. – Это заяц!

Вдруг ей показалось, что дверь шкафа немного поддалась напору. Встав на задние лапы, Кася толкнула её, потом снова... и снова... Так и есть: замок оказался хлипким и с каждым новым толчком всё больше разбалтывался.

– Тихон, держи дверь! Держи дверь! – продолжала кричать Маха.

Тихон подскочил к шкафу и навалился на него.

– Сиди на месте! Сиди на месте! – повторял он, пытаясь удержать «белочку» внутри. – Я не пил сегодня! И завтра не буду! Сиди на месте!

Чемпионат по сдерживанию дверей

Далее начался самый настоящий чемпионат по сдерживанию дверей. Маха держала дверь входную, Тихон не давал открыться двери шкафа. Тактика была различная: Маха тянула на себя, Тихон наваливался плечом, но несчастные похитители Каси уже значительно ослабели. Момент, когда бастион садового домика падёт, неминуемо приближался. Вопрос состоял лишь в том, кто из них первым сдастся.

– Тихон, я больше не могу! – простонала Маха.

– Я тоже!

Тихон малодушно отскочил от шкафа, и оттуда выскочила Кася. И в этот же момент дверная ручка, за которую тянула Маха, оторвалась, и дверь в домик резко отворилась.

Чемпионат оскорблений

– Мамочка... – пролепетала Маха, а потом и вовсе завизжала от страха. Тихон отважно заслонил её собой, но при этом изо всех сил зажмурился.

Понять чувства Махи было можно. В домик вошёл двухметровый заяц. Мощное рыжевато-серое мохнатое тело бугрилось мышцами, голова упиралась в потолок, отчего уши зверя торчали в стороны. Чтобы как следует разглядеть присутствующих, заяц

повернул голову влево, и его светло-карий глаз отразил всё помещение. Из рта у зайца торчала зажжённая сигарета.

Кася тут же встала в охотничью стойку: задрала морду и подняла переднюю лапу.

– Попался, заяц во хмелю! – сказала она.

По морде зайца можно было понять, что он тоже не прочь сказать какую-нибудь хлесткую фразу, но дефект речи ему этого не позволял.

– С-собака! – выдавил он через силу.

– И это всё, малахай облезлый? – рассмеялась Кася. – Ты забыл сказать, что я сутулая.

И в этот же миг она прыгнула, целясь зверю в горло.

Драка

Масштабу побоища, которое устроили в домике Кася и заяц, позавидовали бы мастера батальных сцен всего мира. Заячья и собачья шерсть клочьями летела через распахнутые двери на улицу, и скоро казалось, что там, внутри, как минимум полк зайцев и не менее дивизии собак. Однако кричали и звали на помощь только Маха и Тихон. Билась посуда, трещало дерево, звякал металл о металл, и душераздирающе скрипел пенопласт.

Когда к домику подъехали Дмитрий Олегович и лейтенант Телегин, в ход пошли кирпичи: заяц упал на печь и разворотил её до основания, и теперь пытался попасть хотя бы одним кирпичом в Касю.

– Немедленно прекратить! – крикнул участковый. – Руки вверх!

Руки в домике подняли Маха и Тихон, остальным было некогда.

– Я захожу! – крикнул лейтенант Телегин. В этот же миг одна из стен домика обрушилась, и Кася погнала зайца через всё садовое товарищество.

Сколько можно?.. Что за люди?..

Мужчины, а вслед за ними и Полина, вошли внутрь.

Даже призрак Гуляя, да что там призрак – даже тридцатитонный шар-баба для сноса домов вряд ли сумел более эффективно разнести садовый домик гражданки Сокольничей. В центре руин сидели, обнявшись, изрядно присыпанные пылью Маха и Тихон.

– Тихон? Мария? – с участием спросил участковый. – Вы целы? Идти сможете?

– Мама ругаться будет, – на запылённых щеках Марии прочертили две дорожки слёзы. – Замуж не пустит.

– Мария, вам тридцать пять лет, у вас диплом швей-мотористки, вы техничкой работаете, – с укором сказал лейтенант Телегин. – Вы имеете полное право выходить замуж сами, сколько можно маму бояться?

Тихон встал, помог подняться Махе, и только после этого открыл глаза. И увидел Дмитрия Олеговича.

– Не драться! Телегин, не разрешай ему драться! – потребовал он.

Дмитрий Олегович даже задохнулся от возмущения. Что за люди, всё только через побои понимают?!

– Где собака? – спросил он.

– Так это... вон, туда... – Маха ткнула пальцем в отсутствующую стену. – Тут заяц... во хмелю... а она сутулая...

Все посмотрели туда, куда показывала Мария. Над тёмно-зелёной полосой леса собирались тучи, и казалось, что сполохи электричества видны меж стволов деревьев.

На измор

На этот раз Кася гнала зайца по всем правилам: не пыталась его схватить, не велась на обманные манёвры, а методично распутывала след, не забывая смотреть под ноги. «На измор возьму», – думала она, шумно втягивая запах косога.

Косой тоже был не промах. После схватки с Касей стало понятно, что несмотря на возраст, она ещё полна сил и проворства, и братъ её нужно на своей территории, а не в мире людей. «На измор возьму», – думал заяц, петляя меж кустов.

А небо из голубого становилось синим, потом – фиолетовым, рогатая луна стремительно поднималась из-за деревьев, а с юга напозла жирная-прежирная туча. Приближалась полночь.

«Плохо дело, не видно уже нифига», – подумала Кася, едва не наткнувшись на торчащую из земли острую корягу. «И Гуляй, собака сутулая, неровен час, появится, и опять напортчит чего-нибудь. Эй, заяц! Пора уже закругляться».

– Эй, заяц! – крикнула она в темноту. – Долго ещё?

Зайцу тоже не нравился затяжной характер охоты. Он был голоден, устал, и где-то рядом бегала лиса, с которой встречаться вообще не было никакого желания. Жена опять ругаться будет: огород непахан-несеян, а он опять где-то шляется. Требовалось закругляться.

Окрик собаки рассердил его ещё больше. Знает же, что ему отвечать тяжело!

Заячья деревня

Кася неожиданно для себя выскочила на открытое пространство.

Местность была как будто знакомой, но в то же время незнакомой. В темноте разве разберёшь?

И вдруг зажётся фонарь на столбе, и Кася увидела, что попала в заброшенную деревню Пахомыча, как раз к его дому. У забора стоял трактор с мацепурой, чуть поодаль – телега и старый «москвич» в пятнах ржавчины.

А вокруг – зайцы. С десятков, не меньше.

– Сутулая ты собака... – не снесла восхищения Кася. – Вы что – все здесь живёте?

Заяц опустил на четыре лапы.

– Ж-живём. А т-тебя й-я с-сейчас п-порву, к-как...

Он не договорил. Из толпы перепуганных косых выпрыгнула зайчиха и забарабанила передними лапами зайцу по морде.

– Ты зачем её сюда притащил?! – приговаривала она. – Ты где вообще болтался три дня?! Кто огород пахать будет?!

– З-зая...

– И как ваша деревня называется? – спросила Кася. – Заячье рагу? Ах! Ах! Ах!

Зайчиха в испуге отскочила. Остальные обитатели рагу тоже начали в панике носиться кругами, сталкиваясь друг с другом, чем вызвали у Каси новый взрыв плотоядного смеха.

Месть

– Т-ты з-зачем?.. – заяц снова встал на дыбы.

– Что – зачем? Ты меня сам сюда привёл. Это ты зачем, – ответила Кася.

– О-отомстить.

– За что?

– Т-ты в-всех с-съела.

– Кого?

– В-всех, к-кого н-нашла. Т-ты н-нашу н-норку р-раскопала, и в-всех, к-кроме м-меня...

Пока заяц это говорил, он становился всё больше и больше. Вот он был ростом с человека, вот – почти с медведя, вот – как лось.

– А м-меня – н-не у-успела.

Вот тут Касе стало страшно, потому что заяц вырос больше трактора, и останавливаться, кажется, не собирался. Он перерос дом, потом вяз, который рос рядом, и голос зайца уже гремел:

– И в-вот й-я т-тебя н-нашёл!

Гром и молния

Заяц поднял лапу, чтобы раздавить Касю, но в этот самый момент явился Гуляй, такой же огромный, как заяц, и такой же злой.

Никогда ещё Кася не была так благодарна старшему товарищу. И никогда ещё он её так не пугал.

– Попался, малахай облезлый! – гавкнул он.

– Д-дохлый щ-щенок! – ответил заяц.

– Кто щенок?! – ощерился Гуляй.

– Т-ты!

Они были уже выше леса, и головы их задевали за тучу.

– Разорву!

– П-попробуй!

Они бросились друг на друга почти одновременно, а когда столкнулись, раздался оглушительный взрыв, от которого подпрыгнула земля, и всё вокруг озарилось ослепительно белым светом.

А потом стало темно и тихо.

Домой

Кася очнулась в луже. Сверху лился проливной дождь. Она встала, отряхнулась, огляделась по сторонам.

Фонарь продолжал гореть. Пахомыч хвастался, что ещё дед его эту лампочку крутил, и до сих пор горит.

В свете фонаря Кася увидела зайцев, раскиданных вокруг. Многие лежали в лужах, и неясно было – живые они, или утонули.

И какой-то заяц пытался их оттуда вытащить.

Увидев, что Кася встала, он сказал:

– П-помоги.

Кася хотела спросить, что случилось, что он стал таким же, как все. Но рядом что-то хлюпнуло, и она опустила морду в лужу. Там она зацепила чьё-то ухо и достала зайчонка.

Некоторое время Кася и заяц вытаскивали бесчувственные тела из воды и складывали на возвышении у дома. Спасённые зайцы приходили в себя и приходили на помощь. А потом оказалось, что спасли всех.

– Д-дорогу домой найдёшь?

– Ты почему такой маленький?

– Н-не знаю. Так найдёшь?

Кася подумала, что он не только маленьким стал, но и заикаться почти перестал.

– Найду.

– Только сюда больше не приходи.

– Больно надо.

– Я серьёзно.

– Я тоже. Я на пенсии. Да у нас и ружья нет.

И Кася побежала домой.

Дома

Дома все, кроме котиньки, уже спали. Дмитрий Олегович в кресле, Польша – на диване, там, где их сморило мучительное ожидание Каси. И только котинька продолжала сидеть за компьютером.

Когда Кася вошла на террасу, дождь уже закончился. Она оперлась передними лапами в подоконник и позвала:

– Котинька! Котинька!

Котинька оглянулась, вскочила с места и растолкала Дмитрия Олеговича и Польшу. Все вместе они выбежали на террасу.

– Кася, собака ты сутулая! На кого ты похожа?! – воскликнула Ирина Валерьевна.

– На балалайку, – ответила Кася. – Колбасы и спать.